

ства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи исправляющему должность доцента Е. А. Воронцову срока получения имъ магистерской степени еще на одинъ годъ, т. е. до 15 іюня 1909 года“.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Іюня 27. Смотрѣно“.

10 іюня 1908 года,

№ 7.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—профессоръ А. П. Шостынь, заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій; временный преподаватель—заслуженный ординарный профессоръ П. И. Цвѣтковъ; исправляющіе должность доцента—И. М. Громогласовъ, Д. Г. Коноваловъ, Н. Л. Туницкій и Ѳ. М. Россейкинъ и лекторъ В. П. Лучининъ.—Отсутствовали: экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ и исправляющіе должность доцента—Е. А. Воронцовъ, А. П. Орловъ и священникъ Д. В. Рождественскій.

Слушали: I. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Вельсвятскаго*:

„Честь имѣю представить Совѣту таблиць балловъ по устнымъ и письменнымъ отвѣтамъ, полученныхъ за истекшій 1907—1908 учебный годъ студентами I курса Академіи“.

По разсмотрѣніи таблицы оказалось, что изъ 59 студентовъ I курса: а) студенты *Иванъ Успенскій* и священникъ *Порфирій Смирновъ*, согласно ихъ прошеніямъ, по опредѣленіямъ Совѣта Академіи отъ 20 декабря 1907 года и 6 марта 1908 года, оставлены, по болѣзни, въ I курсѣ на второй годъ; б) не держали устныхъ испытаній: *Давидовичъ Владиміръ* (по библейской исторіи, введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, еврейскому языку, древней гражданской исторіи, латинскому и нѣмецкому языкамъ; не представилъ также семе-

строваго сочиненія по древней гражданской исторіи и проповѣди), *Дубчукъ Владиміръ* (по метафизикѣ; не представилъ также семестроваго сочиненія по словесности), *Меліоранскій Иванъ* (по метафизикѣ; не представилъ также семестроваго сочиненія по словесности и проповѣди), *Семеновъ Михаилъ* по древней гражданской исторіи), *Соколовъ Николай* (по библейской исторіи и словесности; не представилъ также семестроваго сочиненія по словесности и проповѣди), *священникъ Степановъ Александръ* (по словесности), *Филипповскій Борисъ* (по библейской исторіи) не представилъ также семестроваго сочиненія по словесности) и *Шумъ Андрей* (по новой гражданской исторіи; не представилъ также семестровыхъ сочиненій по метафизикѣ и древней гражданской исторіи и проповѣди); в) не представили письменныхъ работъ: священникъ *Борисовъ Василій* (сочиненія по словесности), *Вавресюкъ Иванъ* (сочиненій по метафизикѣ и древней гражданской исторіи и проповѣди), *Житниковъ Сергій* (сочиненія по древней гражданской исторіи и проповѣди), *Каширенкиновъ Владиміръ* (сочиненія по древней гражданской исторіи и проповѣди), *Купріяновъ Николай* (сочиненія по словесности и проповѣди), *Плъшановъ Павелъ* (сочиненія по древней гражданской исторіи), *Скворцовъ Владиміръ* (сочиненія по словесности) и *Смирновъ Иванъ* (проповѣди); г) студентъ *Вершинскій Николай*, не державшій устныхъ испытаній по библейской исторіи и метафизикѣ и не представившій семестроваго сочиненія по словесности, по остальнымъ предметамъ получилъ слѣдующіе неудовлетворительные баллы: на устныхъ испытаніяхъ: по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ—1 и по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ—2; на проповѣди—2—.

б) Внесенный Инспекторомъ Академіи—профессоромъ А. П. Шостынымъ списокъ студентовъ I курса съ означеніемъ ихъ поведенія, въ которомъ поведеніе 54 студентовъ означено балломъ 5, 4-хъ балломъ 5— и 1-го балломъ 4+.

в) Прошенія, съ приложеніемъ медицинскихъ свидѣтельствъ, студентовъ: священника *Борисова* Василя, *Вавресюка* Ивана, *Вершинскаго* Николая, *Давидовича* Владиміра, *Дубчука* Владиміра, *Житникова* Сергѣя, *Каширенкина* Владиміра, *Купріянова* Николая, *Меліоранскаго* Ивана, *Плъшанова* Павла, *Семенова* Михаила, *Скворцова* Владиміра, *Смирнова*

Ивана, *Соколова* Николая, священника *Степанова* Александра, *Филитовскаго* Бориса и *Шума* Андрея—о разрѣшеніи имъ, по болѣзни, сдать устные испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1908 года.

Справка: 1) §§ 132—134 устава духовныхъ академій: „По окончаніи испытаній, на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію... При опредѣленіи сравнительнаго достоинства студентовъ и составленіи списка ихъ принимаются во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе. *Примѣчаніе.* При составленіи списка новые языки въ общій счетъ предметовъ не вводятся.—Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіи четырехлѣтняго академическаго курса.—2) По § 81 лит. а п.п. 4—5 устава духовныхъ академій „составленіе списковъ студентовъ послѣ испытаній, переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ и оставленіе на томъ же курсѣ“ значитъ въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи; къ тому же разряду дѣлъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 отнесены и „зачисленіе въ студенты академіи, увольненіе по прошеніямъ и исключеніе изъ академіи“.—3) Правиль касательно значенія неудовлетворительныхъ балловъ по отвѣтамъ и сочиненіямъ студентовъ Академіи—§ 4: „О студентѣ, получившемъ баллъ ниже 2 по одному предмету, или два балла ниже $2\frac{1}{2}$, или, наконецъ, баллъ $2\frac{1}{2}$ по тремъ предметамъ—доносится Совѣту Академіи, который, принявъ въ соображеніе всѣ имѣющіяся о данномъ студентѣ свѣдѣнія, входитъ въ сужденіе о томъ, оставить ли его въ Академіи или уволить по неуспѣшности“.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоинство сочиненій, устныхъ отвѣтовъ и поведенія студентовъ I курса, перевести ихъ въ слѣдующій, II-ой, курсъ въ такомъ порядкѣ: 1) Успенскаго Дмитрія, Сперанскаго Алексѣя, Протасова Николая, свящ. Виноградова Николая, 5) свящ. Медвѣдкова Пантелеимона, Ильинскаго Владимира, діакона Смирнова Юанна, Ястремскаго Николая, Четверухина Илью,

10) Покровскаго Александра, свящ. Струминскаго Мартина, Гіацинтова Василя, Кочетова Сергѣя, Пикалова Константина, 15) свящ. Лаврова Тихона, Малышева Николая, Парія Андрея, Садковскаго Сергѣя, Сидоровскаго Николая, 20) Семеновскаго Николая, Сомова Николая, Мурашева Алексѣя, свящ. Новикова Константина, Корнѣевича Іустина, 25) Владиславлева Владиміра, Венустова Александра, свящ. Невскаго Петра, Лебедева Александра, свящ. Миловскаго Николая, 30) свящ. Колесниченко Іоанна, Толгскаго Николая, свящ. Кудржинскаго Антонія, Богоявленскаго Гавріила, діакона Смородина Валентина, 35) іеромонаха Николая (Могилевскаго), свящ. Орлова Сергія, Труфанова Максимилиана, Павловскаго Ивана, Гиляревскаго Андрея, 40) Соколова Виктора.—2) Студентамъ: свящ. Борисову Василю, Вавресюку Ивану, Давидовичу Владиміру, Дубчуку Владиміру, Житникову Сергѣю, Каширенинову Владиміру, Купріанову Николаю, Меліоранскому Ивану, Плѣшанову Павлу, Семёнову Михаилу, Скворцову Владиміру, Смирнову Ивану, Соколову Николаю, свящ. Степанову Александру, Филипповскому Борису и Шуму Андрею—разрѣшить сдать устные испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1908 года.—3) Студента *Вершинскаго* Николая уволить изъ Академіи по неуспѣшности.

II. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всѣхсвятскаго*:

„Честь имѣю представить Совѣту табель балловъ по устнымъ и письменнымъ отвѣтамъ, полученныхъ за истекшій 1907—1908 учебный годъ студентами II курса Академіи“.

По разсмотрѣннн табели оказалось, что *изъ 59 студентовъ II курса*—а) не держали *устныхъ* испытаній: *Архангельскій Владиміръ* (по русскому языку; не представилъ также проповѣди и семестроваго сочиненія по библейской археологіи), *Бабаковъ Александръ* (по исторіи философіи; не представилъ также проповѣди), *Вышеславовъ Димитрій* (по русскому языку; не представилъ также проповѣди и семестроваго сочиненія по библейской археологіи), *Доброхотовъ Алексѣй* (по русскому языку; не представилъ также проповѣди и семестроваго сочиненія по библейской археологіи), *Іовлевъ Александръ* (по патристикѣ; не представилъ также проповѣди

и семестрового сочиненія по библейской археологiи), *Мальгиновъ Борисъ* (по гомилетикѣ; не представилъ также проповѣди и семестрового сочиненія по библейской археологiи), *архимандритъ Михаилъ*, сербскiй уроженецъ (по гомилетикѣ и русскому языку; не представилъ также семестрового сочиненія по общей церковной исторiи), *Ставицкiй Виталий* (по исторiи философи и психологiи) и *Уаровъ Петръ* (по патристикѣ и исторiи философи);—б) не представили *письменныхъ* работъ: *Баржицкiй Михаилъ* (сочиненiй по общей церковной исторiи и библейской археологiи), *Благовѣщенскiй Сергѣй* (проповѣди), *Ватутинъ Михаилъ* (проповѣди), *Воиновъ Сергѣй* (сочиненiя по библейской археологiи), *Воскресенскiй Василій* (проповѣди и сочиненiя по библейской археологiи), *Городеуцкiй Оедоръ* (проповѣди), *Горскiй Александръ* (сочиненiя по библейской археологiи), *Даниленко Прохоръ* (сочиненiя по библейской археологiи), *Иллювiевъ Павелъ* (проповѣди), *Казанскiй Платонъ* (проповѣди), *Ковригинъ Михаилъ* (проповѣди и сочиненiя по библейской археологiи), *Лимачевъ Василій* (проповѣди), *Ржепикъ Миронъ* (сочиненiй по общей церковной исторiи и библейской археологiи), *Рождественскiй Леонидъ* (проповѣди), *Рубинскiй Сергѣй* (проповѣди и сочиненiя по библейской археологiи), *свящ. Синадскiй Евгеній* (сочиненiя по библейской археологiи), *Смирновъ Петръ* (проповѣди и сочиненiя по библейской археологiи), *Счастнѣевъ Михаилъ* (сочиненiя по библейской археологiи), *Фаворитовъ Павелъ* (проповѣди и сочиненiя по библейской археологiи), *Харитоновъ Сергѣй* (проповѣди) и *Шукинъ Николай* (проповѣди и сочиненiя по библейской археологiи);—в) на основанiи опред. Св. Синод. отъ 10-22 янв. 1903 г. № 118 указа Св. Синод. отъ 14 авг. 1902 г. за № 6245 не держали испытанiя по одному изъ древнихъ языковъ студенты, не изучавшiе оныхъ въ среднемъ учебномъ заведенiи: *Воиновъ Сергѣй*, архимандритъ *Михаилъ*, серб. урож., *Никоновъ Алексѣй* и *дiаконъ Поповъ Николай*;—г) баллы ниже 2 имѣютъ студенты: *Никоновъ Алексѣй* (на устномъ испытанiи по исторiи философи—2—) и *Преображенскiй Викторъ* (на семестровомъ сочиненiи по общей церковной исторiи—2—).

б) Внесенный Инспекторомъ Академiи—профессоромъ *А. П. Шостынымъ* списокъ студентовъ II курса съ означенiемъ ихъ поведенiя, въ которомъ поведенiе 55 студентовъ означено балломъ 5 и 4—балломъ 5—.

в) Прошенія вышепозменованныхъ 30-ти студентовъ, не державшихъ устныхъ испытаній или не представившихъ письменныхъ работъ, съ приложеніемъ медицинскихъ свидѣтельствъ, о разрѣшеніи имъ, по болѣзни, исполнить эти обязанности послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1908 года.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоинство сочиненій, устныхъ отвѣтовъ и поведенія студентовъ II курса, перевести ихъ въ слѣдующій, III-ій, курсъ въ такомъ порядкѣ: 1) свящ. Соколова Василия, Троицкаго Владиміра, свящ. Добронравова Георгія, свящ. Платонова Веніамина, 5) свящ. Вьюкова Алексѣя, Мусатова Николая, Фортунатова Василия, Яхонтова Александра, Александровскаго Василия, 10) Успенскаго Николая, Волкова Андрея, Рождественскаго Евгенія, Троицкаго Алексѣя, свящ. Князева Александра, 15) свящ. Соболева Алексія, Бѣляева Михаила, свящ. Покровскаго Θεодора, Панова Павла, Сахарова Николая, 20) Ефимова Θεодора, діакона Попова Николая, Соколова Петра, свящ. Баронова Николая, Θεомина Николая, 25) Дмитревскаго Леонида, Вязовскаго Василия, Попова Николая, Преображенскаго Виктора и 29) Никонова Алексѣя.— 2) Студентамъ: *Архангельскому* Владиміру, *Бабакову* Александру, *Баржицкому* Михаилу, *Благовѣщенскому* Сергѣю, *Ватутинку* Михаилу, *Воинову* Сергѣю, *Воскресенскому* Василию, *Вышеслаову* Димитрію, *Городецкому* Θεодору, *Горскому* Александру, *Даниленку* Прохору, *Добролотову* Алексѣю, *Иллюзіеву* Павлу, *Иовлеву* Александру, *Казанскому* Платону, *Ковригину* Михаилу, *Лимачеву* Василию, *Мальгинову* Борису, архимандриту *Михаилу*, *Ржепику* Мирону, *Рождественскому* Леониду, *Рубинскому* Сергѣю, свящ. *Синадскому* Евгенію, *Смирнову* Петру, *Ставицкому* Виталію, *Счастневу* Михаилу, *Уарову* Петру, *Фаворитову* Павлу, *Харитонову* Сергѣю и *Щукину* Николаю—разрѣшить сдать устныя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1908 года.

III. а) Внесенный Инспекторомъ [Академіи—профессоромъ А. П. Шостынымъ] списокъ студентовъ III курса съ означеніемъ ихъ поведенія, въ которомъ поведеніе 47 студентовъ означено балломъ 5, 6—балломъ 5— и 2—балломъ 4+.

б) Заявленіе Инспектора Академіи—профессора по кафедрѣ пастырскаго богословія и педагогикки *А. П. Шостына*, что онъ не можетъ пока внести списка балловъ по семестровымъ сочиненіямъ студентовъ III курса *по педагогикѣ*, такъ какъ эти сочиненія представлены были къ 15-му мая лишь половиною курса; нѣсколько сочиненій было подано въ самомъ концѣ мая и даже въ началѣ іюня (5-го и 6-го ч.), когда приходилось слѣпно читать кандидатскія сочиненія; наконецъ, много сочиненій (16) не подано доселѣ и данныя для нихъ пособія студентами еще не возвращены. Такимъ образомъ, провѣрка и сравнительная оцѣнка семестровыхъ сочиненій по педагогикѣ представляется въ настоящее время невозможною.

Опредѣлили: 1) Составленіе разряднаго списка студентовъ III курса и переводъ ихъ въ слѣдующій курсъ отложить до сентябрскаго собранія Совѣта Академіи, обязавъ студентовъ, не державшихъ устныхъ испытаній или не представившихъ письменныхъ работъ, исполнить къ тому времени эти обязанности.—2) Въ томъ же сентябрскомъ собраніи обсудить вопросъ о принятіи мѣръ противъ несвоевременной подачи студентами письменныхъ работъ и уклоненія ихъ отъ сдачи переводныхъ и выпускныхъ испытаній въ назначенные по росписанію сроки, съ тѣмъ, чтобы перенесеніе тѣхъ и другихъ на послѣ-каникулярное время допущалось лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

IV. Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Васьхвятскаго*:

„Долгомъ считаю довести до свѣдѣнія Совѣта Академіи, что по п. 1-му „Правилъ относительно распредѣленія казенныхъ и частныхъ стипендій между студентами Академіи“: „По составленіи, въ концѣ учебнаго года, переводныхъ списковъ студентовъ Академіи, но въ томъ же засѣданіи, Совѣтъ обсуждаетъ каждый разъ особо вопросъ о распредѣленіи на предстоящій учебный годъ стипендій на трехъ послѣднихъ курсахъ“.

Опредѣлили: Въ виду невозможности составить переводный списокъ III курса и значительнаго числа студентовъ II и I курсовъ, имѣющихъ держать устныя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ,—

когда они только и могутъ быть внесены въ разрядный списокъ,—назначеніе стипендій на будущій 1908—1909 учебный годъ отложить до сентябрьскаго собранія Совѣта Академіи.

V. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всѣхсвятскаго*:

„Честь имѣю представить Совѣту Академіи вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ настоящаго IV курса за всѣ четыре года академическаго образованія“.

По разсмотрѣннн вѣдомости оказалось, что *изъ 58 студентовъ IV курса*:

1) Студенты: *Бяликъ Василій* не держалъ устнаго испытанія по нравственному богословію и не представилъ: семестроваго сочиненія за 3-й курсъ (по Священному Писанію Новаго Завѣта), проповѣди за IV курсъ и кандидатскаго сочиненія; *Дубенскій Александръ* не держалъ устнаго испытанія по догматическому богословію и не представилъ кандидатскаго сочиненія; *священникъ Козловъ Іоаннъ* не держалъ устнаго испытанія по нравственному богословію и не представилъ кандидатскаго сочиненія; *Ланге Филиппъ* не держалъ устнаго испытанія по догматическому богословію и не представилъ кандидатскаго сочиненія; *священникъ Ремизовъ Николай* не держалъ устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ IV курса, не представилъ семестроваго сочиненія за 3-й курсъ и кандидатскаго сочиненія; *Троицкій Петръ* не держалъ устныхъ испытаній по догматическому и нравственному богословію и не представилъ семестроваго сочиненія за 3-й курсъ; *Успенскій Василій* не держалъ устнаго испытанія по церковной археологіи и литургикѣ и не представилъ кандидатскаго сочиненія; *Хадзараговъ Петръ* не держалъ устнаго испытанія по догматическому богословію и не представилъ кандидатскаго сочиненія.

2) Студенты: *Бабаковъ Николай*, *Витальскій Александръ*, *Нарскій Борисъ*, *Прытковъ Сергѣй*, *Смирновъ Леонидъ* и *Сokolovъ Виталій*—не представили кандидатскихъ сочиненій.

3) Изъ выдержавшихъ испытанія по всѣмъ предметамъ академическаго курса и представившихъ кандидатскія сочиненія—15 студентовъ имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года баллъ не менѣе $4\frac{1}{2}$, 23—не менѣе 4 и 6—не менѣе 3.—Изъ числа послѣднихъ, т. е. имѣющихъ въ среднемъ выводѣ баллъ ниже 4,—студентъ

Масюковъ Иннокентій имѣеть неудовлетворительный для степени кандидата богословія баллъ на устномъ испытаніи по нравственному богословію (2).

б) Внесенный Инспекторомъ Академіи--профессоромъ *А. П. Шостынымъ* списокъ студентовъ IV курса съ означеніемъ ихъ поведенія за 1907—1908 учебный годъ, въ которомъ поведеніе 52 студентовъ означено балломъ 5 и 6 — балломъ 5—.

в) Отзывы профессоровъ и преподавателей Академіи о кандидатскихъ сочиненіяхъ 45-ти студентовъ I.XIII курса:

1) Исправляющаго должность доцента *Евгенія Воронцова* о сочиненіи студента *Авраменко Ивана* на тему: „Блаженный Иеронимъ, какъ библейскій археологъ“:

„Сочиненіе г. Авраменко написано по слѣдующей схемѣ: за небольшимъ введеніемъ авторъ приводитъ біографическія свѣдѣнія о блаженномъ Иеронимѣ, потомъ сообщаетъ тѣ данныя о древне-еврейскомъ культѣ, какія можно находить у блаженнаго Иеронима, далѣе извлекаетъ матеріаль изъ твореній Иеронима, способный по его мнѣнію характеризовать древне-еврейскій бытъ, и наконецъ излагаетъ топографію Палестины по Иерониму. Небольшое заключеніе рекапитулируетъ взгляды, высказанныя въ предисловіи или вступленіи. Касательно плана работы и полноты ея содержанія возраженій у рецензента не имѣется, только слишкомъ многочисленныя частныя и частнѣйшія подраздѣленія, на подобіе параграфовъ, ослабляютъ цѣлостное впечатлѣніе отъ сочиненія г. Авраменко. Рецензировавшая нами работа свободна отъ фактическихъ ошибокъ, но весь извлеченный мрежами изслѣдователя матеріаль изъ твореній блаженнаго Иеронима по нашему мнѣнію далеко не соотвѣтствуетъ тому, что сказано авторомъ въ предисловіи и послѣсловіи о величайшихъ заслугахъ Иеронима, какъ библеиста-археолога. Высокая личность Иеронима, познавшаго *hebraica veritas*, будетъ всегда вѣчна, если не обзрѣвается его экзегетическій методъ и многоцѣпныя данныя изъ Библейской исагогики въ его твореніяхъ. Въ заключительныхъ отдѣлахъ своего труда г. Авраменко имѣлъ союзника и опору въ трудѣ Казанскаго профессора Полянскаго, и здѣсь трудно провести грань между данными рецензируемаго сочиненія и работою г. Полянскаго.

Во всякомъ случаѣ начальныя отдѣлы работы г. Авраменко и характеръ цитациі показываютъ его авторскую независимость, способность къ научному труду, а потому онъ вполне заслуживаетъ кандидатской степени“.

2) Исправляющаго должность доцента Николая Туницкаго о сочиненіи студента *Беневоленскаго Ивана* на тему: „Мистическое движеніе въ русской литературѣ и обществѣ въ царствованіе Александра 1-го“:

„Содержаніе изслѣдованія г. Беневоленскаго не вполне соответствуетъ взятой имъ темѣ. Онъ сосредоточилъ свое вниманіе на уясненіи *происхожденія* мистическаго движенія Александровской эпохи и, начавъ съ самыхъ отдаленныхъ источниковъ его, почти $\frac{2}{3}$ своего сочиненія посвятилъ характеристикѣ философскихъ и религиозныхъ движеній, волновавшихъ Европу и Россію въ 18 вѣкѣ. Въ первыхъ трехъ главахъ сочиненія послѣдовательно излагается исторія просвѣтительной философіи 18-го вѣка въ Германіи, Англіи и Франціи, дается тщательная и полная характеристика мистическаго ученія Штиллинга, Бема, С.—Мартеня, Эккартсгаузена и др. западныхъ мыслителей, сообщаются обстоятельныя свѣдѣнія изъ исторіи русскаго масонства при Екатеринѣ, наконецъ, съ особенной тщательностью обрисовывается дѣятельность и міросозерпаніе Лопухина,—и только въ главѣ четвертой рѣчь идетъ объ одномъ изъ мистиковъ собственно Александровскаго времени.—Лабзинѣ. Разумѣется, русская мистическая мысль при Александрѣ, какъ и въ эпоху предшествующую, развивалась подъ вліяніемъ европейскихъ мистиковъ, и авторъ, излагая Эккартсгаузена или Штиллинга, тѣмъ самымъ вводитъ читателя въ сферу идей, понятій и настроеній, господствовавшихъ и въ средѣ русскихъ мистиковъ. Но онъ не даетъ цѣлостнаго изображенія мистицизма, какъ особой формы мышленія, ставшей историческимъ фактомъ русскаго сознанія, русской литературы и жизни въ первой четверти 19-го вѣка. Въ его сочиненіи почти нѣтъ указаній на то, насколько глубоко мистика проникла въ русскіе умы, какимъ образомъ мистическія теченія переплетались съ литературными направленіями и общественными настроеніями, нѣтъ даже рѣчи о другихъ мистикахъ Александровскаго времени, кромѣ Лопухина и Лабзина

(Ковальковъ, Неваоровъ, бар. Крюднеръ, Татаринова, Селивановъ, Витбергъ и др.). Такимъ образомъ, сосредоточивъ все свое вниманіе на уясненіи генезиса историческаго факта, авторъ, очевидно, уже не имѣлъ времени обрисовать самый фактъ ни со стороны его общихъ свойствъ, ни со стороны всѣхъ, или по крайней мѣрѣ многихъ, частныхъ проявленій.

Этотъ недостатокъ разсматриваемаго сочиненія тѣмъ досаднѣе, что въ предѣлахъ того, что послужило для автора главнымъ предметомъ изученія и изслѣдованія, онъ выполнилъ свой трудъ въ высшей степени успѣшно, серьезно и добросовѣстно. Внимательное изученіе первоисточниковъ и обширной ученой литературы, посвященной западно-европейскому и русскому мистицизму, привело его къ вѣрному пониманію предмета, ясной постановкѣ и правильному научному рѣшенію вопроса о происхожденіи русскаго мистицизма. Не ограничиваясь существующей ученой литературой и изданными источниками, авторъ обратился даже къ неизданнымъ рукописнымъ матеріаламъ, хранящимся въ Румянцовскомъ музеѣ. Плодомъ его поисковъ является, по-видимому еще никѣмъ не изданное, письмо Лабзина, текстъ котораго присоединяется къ сочиненію въ качествѣ приложенія. Изложено сочиненіе языкомъ выработаннымъ, сжатымъ и выразительнымъ. Несомнѣнные достоинства сочиненія, несмотря на его незаконченность, даютъ автору полное право на полученіе степени кандидата богословія“.

3) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Боголѣпова Николая* на тему: „Археологическій комментарий къ современному еврейскому календарю“:

„Задачею г. Боголѣпова являлось сообщеніе въ рубрикахъ данныхъ изъ Библии и внѣбиблейской еврейской письменности касательно праздничныхъ дней и постовъ, поименованныхъ въ еврейскомъ календарѣ. Согласно такому требованію г. Боголѣповъ въ небольшой монографіи изложилъ данныя, трудолюбиво собранныя имъ въ огромномъ количествѣ набросковъ, замѣчаній въ нѣмецкой богословской литературѣ. Археологическій комментарий предваряется у него историческими свѣдѣніями объ еврейскомъ лѣтосчисленіи въ предѣлахъ библейскихъ и талмудическихъ временъ. Въ самомъ комментарий слѣдующія рубрики: Праздникъ Пасхи,

Пятидесятница, Куци, Новолѣтіе, День очищенія, Освященіе храма (Ханука), Пуримъ, Праздникъ деревьевъ (15 Шева), Школьный праздникъ, Праздникъ 15 Ава, Симхатъ Тора, Праздники, прекратившіе свое существованіе (Спорады), и наконецъ Календарные посты. Работа даетъ по *multa*, но исчерпываетъ тематическій вопросъ; особенно хорошо, что авторъ опустилъ безцѣльную въ смыслѣ результатовъ полемику съ протестантскими богословами относительно историческаго генезиса праздниковъ, особенно регалимъ. Небольшой дефектъ труда рецензентъ видитъ въ отсутствіи рубрикъ о субботѣ и новомѣсячїи, о каковыхъ праздникахъ говорится въ начальной части при общей характеристикѣ еврейскаго календаря. Кандидатской степени г. Боголѣповъ заслуживаетъ“.

4) Экстраординарнаго профессора Николая Городенскаго о сочиненіи студента *Борисова Пактелеимона* на тему: „Экономическій матеріализмъ и неокантіанство въ ихъ отношеніи къ нравственной проблемѣ“:

„Тема, предложенная г. Борисову, допускаетъ двоякую постановку: или историко-критическую или критико-систематическую. Въ первомъ случаѣ центръ тяжести изслѣдованія лежалъ бы въ критическомъ изложеніи и освѣщеніи возрѣній двухъ указанныхъ школъ на нравственную проблему съ указаніемъ на ихъ взаимное отношеніе, какъ оно дано *фактически*; во второмъ случаѣ авторъ представилъ бы положительную оцѣнку того вклада, который дѣлаютъ или при извѣстной постановкѣ могутъ сдѣлать эти школы въ разрѣшеніе проблемы, и показалъ бы, какое мѣсто каждая изъ нихъ *должна* занимать въ данной области, каково *должно быть* ихъ взаимное отношеніе. Авторъ избираетъ второй путь. Въ такомъ случаѣ главное, что отъ него требовалось, это—съ возможною обстоятельностью, цѣльностью и рельефностью выставить на видъ важнѣйшіе результаты философской работы двухъ школъ въ связи съ ясно сформулированной собственной точкой зрѣнія на предметъ. Нельзя сказать, чтобы авторъ оказался въ полной мѣрѣ на высотѣ такой задачи. Первое, что въ значительной степени лишаетъ его работу надлежащей цѣнности, это—ея незаконченность: авторъ очень мало сдѣлалъ для рѣшенія наиболѣ важнаго

и существеннаго по смыслу темы вопроса о взаимномъ отношеши двухъ точекъ зрѣнія на мораль. Но это еще не главный упрекъ, какой нужно сдѣлать г. Борису. Самымъ важнымъ недостаткомъ его работы является отсутствіе систематичности и связанности въ томъ, что онъ даетъ. Сочиненіе представляетъ въ большей своей части почти сплошную полемику. Это уже само по себѣ невыгодно отражается на цѣльности и систематичности мысли. Но, сверхъ того, авторъ страдаетъ какимъ-то, я бы сказалъ, органическимъ недостаткомъ ясности мышленія, чѣмъ и обусловливается крайняя неясность и несвязность изложенія. Если прибавить къ этому весьма небрежное обращеніе съ русскимъ языкомъ, постоянное нагроможденіе словъ и предложеній при полномъ отсутствіи какой либо заботы привести ихъ въ надлежащій порядокъ,—то получается нерѣдко такое положеніе, что мысль автора нужно разгадывать наподобіе шарады. Все это тѣмъ болѣе неприятно, что сочиненіе г. Борисова, и при указанныхъ недостаткахъ, имѣетъ весьма цѣнное содержаніе. У автора есть несомнѣнная способность разбираться въ философскихъ вопросахъ; его критическія замѣчанія часто очень мѣтки и правильны; наконецъ, его собственныя воззрѣнія заслуживаютъ интереса; въ послѣднемъ случаѣ нужно, на примѣръ, отмѣтить стремленіе автора очистить кантіанскую точку зрѣнія отъ всякой, даже наиболѣе отдаленной, примѣси психологизма; совершенно правильна и заслуживаетъ вниманія также мысль г. Борисова, что между нравственнымъ принципомъ Канта и его ученіемъ о вещи въ себѣ существуетъ болѣе тѣсная и неизбѣжная связь, чѣмъ это иногда думаютъ. Всѣ эти положительныя стороны сочиненія заставляютъ меня жалѣть о томъ, что оно не можетъ быть отмѣчено высшимъ балломъ. Но степени кандидата г. Борисовъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ“.

5) Исправляющаго должность доцента Ѳедора Россейкина о сочиненіи студента *Будрина Петра* на тему: „Экономическіе и духовные факторы въ исторіи“:

„Авторъ принялъ на себя задачу обосновать самостоятельное значеніе въ историческомъ процессѣ духовныхъ факторовъ. Сдѣлать это онъ могъ, лишь преодолѣвъ стоявшую ему поперекъ дороги систему историческаго материализма,

что и побудило его отдать ей все свое вниманіе. Сочиненіе г. Будрина является опытомъ систематическаго изложенія и критической оцѣнки историческаго матеріализма. Послѣдній взятъ въ широкомъ смыслѣ, т. е. матеріалистическое пониманіе исторіи поставлено въ связь съ философскими предпосылками доктрины. Широкой постановкой задачи и ограниченностью времени, которымъ располагалъ авторъ, и объясняется непропорціональность частей сочиненія: изложеніе теоріи заняло бѣльшую часть работы въ ущербъ критическому отдѣлу, который оказался менѣе разработаннымъ и незаконченнымъ. При изложеніи оспариваемой теоріи авторъ пожелалъ поставить себя внѣ нареканій въ односторонней и неточной передачѣ чужихъ мыслей и потому рѣшилъ, изучивъ экономическій матеріализмъ по первоисточникамъ, взять изъ него наиболѣе прочно установленные элементы и изложить, выдерживая по возможности не только содержаніе, но и стиль теоріи. Это удалось ему вполне. Авторъ знакомъ съ основной марксистской литературой, разобрался въ ней, сумѣлъ выдѣлить наиболѣе существенное и характерное для теоріи, а его стройное изложеніе настолько объективно и стильно, что можетъ удовлетворить самаго правовѣрнаго марксиста. Автору можно поставить въ заслугу, что онъ удержался отъ соблазна облегчить себѣ критическую работу передачей теоріи въ ея крайней формулировкѣ, которая легче поддается ударамъ критики. Но и нужно признать, что критическая часть сочиненія г. Будрина значительно уступаетъ изложенію. Правда, аргументація, выдвинутая авторомъ противъ философскихъ предпосылокъ историческаго матеріализма, вполне убѣдительна и достигаетъ цѣли. Но нельзя сказать того же о критическихъ замѣчаніяхъ, посвященныхъ марксизму, какъ историко-экономической теоріи. Въ этой области позиція историческаго матеріализма гораздо сильнѣе, чѣмъ представляется автору, и онъ долженъ былъ съ бѣльшимъ вниманіемъ отнестись къ силамъ противниковъ.— Степени кандидата богословія г. Будринъ заслуживаетъ.“

6) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Бурмакина Николая* на тему: „Культъ Астарты по Библии въ связи съ культомъ женскихъ божествъ на востокѣ“:

„Сочиненіе г. Бурмакина составлено по хорошимъ нѣмецкимъ пособіямъ, изъ которыхъ особенныя услуги ему оказала монографія Torge—Aschera und Astarte; что касается до справокъ о культѣ другихъ женскихъ божествъ, то онѣ слѣдваны у Scholz—Götzendienst und Zauberwesen bei den alten Hebräern und den benachbarten Völkern. Послѣдняя книга устарѣла, но содержитъ обильный фактическій матеріаль въ видѣ извлеченій изъ сочиненій разныхъ древнѣйшихъ и древнихъ писателей. Въ своей работѣ г. Бурмакинъ приводитъ соображенія изъ области: 1) догмы культа Астарты, 2) эволюціи этого культа изъ первоначальнаго дендролатрическаго ашеризма и 3) обстановки культовыхъ операций въ позднѣйшія времена. Библейскія данныя сообщены достаточно полно и комментированы, одна противоположность осталась въ работѣ г. Бурмакина невыясненною: какимъ образомъ Астарта съ одной стороны—божество, покровительствоющее жизни, а съ другой—ея врагъ и губитель? При отсутствіи фактическихъ ошибокъ и достаточной полнотѣ въ трактатѣ предмета (въ какой-либо оригинальности) сочиненіе г. Бурмакина даетъ ему право на кандидатскую степень“.

7) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Бѣлоусова Евгенія* на тему: „А. П. Щаповъ, какъ историкъ и расколовѣдъ. (По поводу новаго изданія его сочиненій)“:

„Значительная по объему работа г. Бѣлоусова богата и внутреннимъ содержаніемъ. Авторъ безъ излишнихъ подробностей, но съ совершенно достаточной для его цѣли полнотой сообщаетъ біографическія свѣдѣнія объ А. П. Щаповѣ (стр. 1—162), подготовляя въ личной характеристикѣ этого безвременно погибшаго для русской науки талантливаго историка и въ очеркѣ его неудавшейся жизни объясненіе нѣкоторыхъ особенностей его учено-литературнаго творчества. Въ качествѣ матеріала при этомъ умѣло и обдуманно использовано, насколько это оказалось возможнымъ, все наиболѣе цѣнное и значительное, что было писано о Щаповѣ (включительно до газетныхъ статей). Слѣдующее за біографическимъ очеркомъ изложеніе общихъ историческихъ воззрѣній Щапова (стр. 163—332) и ихъ оцѣнка (332—

526) даютъ ясное и отчетливое представленіе какъ объ основныхъ принципахъ научнаго міросозерцанія этого изслѣдователя русской народной жизни въ два періода его дѣятельности, о господствующихъ въ ней идеяхъ и интересахъ, такъ и о значеніи полузабытыхъ впоследствии трудовъ творца земско-областной теоріи и автора „Соціально-педагогическихъ условій“ для русской исторической науки. Свои мысли и заключенія по вопросу о научной цѣнности новыхъ „прямѣзжихъ дорогъ“, впервые намѣченныхъ Щаповымъ, авторъ разсматриваемаго сочиненія иллюстрируетъ весьма интересными сопоставленіями, свидѣтельствующими о хорошемъ знакомствѣ его съ работами нашихъ выдающихся историковъ (напр., проф. В. О. Ключевскаго). Менѣе обстоятельно, чѣмъ слѣдовало бы, разработанъ (вѣроятно, за недостаткомъ времени) отдѣлъ о возрѣніяхъ Щапова на русскій расколъ старообрядства (стр. 526—679), хотя и они въ основныхъ чертахъ изложены совершенно правильно. Конецъ сочиненія (стр. 679—717) посвященъ общей характеристикѣ Щапова, какъ историка—публициста, быть можетъ, не свободной отъ упрека въ нѣкоторомъ увлеченіи и преувеличеніи, довольно обычномъ, впрочемъ, въ работахъ монографическихъ.

Къ сказанному выше остается присоединить еще, что внѣшняя литературная сторона изслѣдованія г. Бѣлоусова соответствуетъ его внутреннимъ достоинствамъ. Признаю автора вполне заслуживающимъ кандидатской степени“.

8) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Бѣляева Бориса* на тему: „Славянофильство и западничество въ возрѣніяхъ на русскій старообрядческій расколъ“:

„Работа, которую взялъ на себя авторъ разсматриваемаго сочиненія, представляла значительныя трудности какъ по новизнѣ своей задачи, такъ и по чрезвычайному обилію матеріала, который необходимо было не только пересмотрѣть, но и внимательно изучить, чтобы изъ многого, высказаннаго наиболѣе видными представителями двухъ названныхъ направленій русской мысли, извлечь сравнительно немногое, имѣющее болѣе или менѣе близкое отношеніе къ темѣ.

Объ указанныя трудности г. Бѣляевъ съумѣлъ преодолѣть

болѣе чѣмъ успѣшно. Незаработанность вопроса не помѣшала ему удачно намѣтить цѣлесообразный планъ изслѣдованія, а масса перечитаннаго и перенесеннаго, въ формѣ дословныхъ выдержекъ или въ пересказѣ, на страницы обширнаго (614 стр.) сочиненія не подавила самостоятельной мысли и не затемнила ея. Видно, что авторъ хорошо продумалъ то, о чемъ говорить, и что работа надъ кандидатской диссертацией была для него не отбываніемъ повинности только, а такимъ трудомъ, на который съ любовью тратилось время и силы. При большихъ размѣрахъ сочиненія и сложности его содержанія нельзя не отмѣтить, какъ особеннаго достоинства, литературной обработанности этого изслѣдованія. Считаю автора вполне и безспорно достойнымъ искомой степени“.

9) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Владимірскаго Сергѣя* на тему: „Женщина въ ветхомъ завѣтѣ (Археологическій очеркъ)“:

„Задачею г. Владимірскаго въ его трудѣ было разсмотрѣніе костюма, украшеній и вообще туалета древнихъ еврейнокъ. Работа г. Владимірскаго распадается на 5 частей: въ первой части онъ касается способа приготовленія и украшения одеждъ; эта часть—пропѣдевтическая въ работѣ, какъ вводящая въ знакомство съ древне-еврейскою женскою одеждою; во второй части г. Владимірскаго описываетъ самый покрой женскихъ одеждъ, отчасти касаясь и головнаго убора, покрывала и сандалій; въ третьей части разсматриваются различные виды металлическихъ украшеній: серьги, кольца, перстни, цѣпочки, браслеты и украшенія волосъ; въ четвертой части сообщаются данныя изъ области женской косметики: о бѣлилахъ, румянахъ, амулетахъ, равно о зеркалахъ, какъ неизбѣжномъ спутникѣ и пособіи косметическихъ экспериментовъ; въ пятой части разбираются библейскія данныя о древне-еврейской парфюмеріи. За исключеніемъ пятой части, естественно допускающей соединеніе съ четвертою, всѣ рубрики въ сочиненіи г. Владимірскаго вполне опредѣляются сущностью предмета изслѣдованія. Въ своемъ цѣлостномъ видѣ трудъ г. Владимірскаго представляетъ цѣнную библейско-археологическую монографію по мало изученному доселѣ и даже на западѣ скудно освѣщен-

ному предмету. За исключеніемъ недавней работы Розенцвейга: *Kleidung und Schmuck im biblischen und talmudischen Schrifttum*. Berlin. 1905 западная библейско-археологическая наука не имѣла сводки матеріаловъ касательно древне-еврейскихъ одеждъ, если не считать фрагментарныхъ работъ, на подобіе Brüll, *Trachten der Juden*. Г. Владимірскій черпаетъ данныя изъ антикварнаго трехтомнаго сочиненія Hartmann. *Die Hebräerin am Putztische und als Braut*, но тотъ синтезъ, какой онъ даетъ на страницахъ своего сочиненія, комбинируя новѣйшія данныя у Perrot со старыми сообщеніями „Hartmann'a“,—вообще удаченъ. Авторъ перечиталъ Библейскіе предметные словари (*Realwörterbücher*) и сдѣлалъ внимательно цѣнные экскерпты. По характеру темы работа г. Владимірскаго—мало примѣтная, микрологическая, но повидимому его перомъ водило серьезное желаніе дать возможно болѣе документальныхъ данныхъ; ничего гипотетическаго у него нѣтъ: все измѣрено, взвѣшено, расцѣнено, а потому такой трудъ читается отъ начала до конца съ неослабѣвающимъ вниманіемъ и заслуживаетъ полной похвалы. Степень кандидата богословія является справедливымъ воздаяніемъ потрудившемуся на торной стезѣ библейско-археологической дисциплины. Излишне говорить, что работа г. Владимірскаго требовала отъ него и ранѣйшаго изученія исторіи древняго костюма, особенно на востокѣ, въ Египтѣ, Вавилоніи и т. п.“

10) Экстраординарнаго профессора Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Волосевича Михаила* на тему: „Петръ I и монашество“:

„Монастырскій вопросъ въ Петровскую эпоху авторъ изучаетъ въ связи съ ранѣйшей его исторіей и въ связи съ реформами Петра I; трактуетъ о попыткахъ дать монашеству внѣшнюю организацію и порядокъ и внутренне его исправить; наконецъ о мѣропріятіяхъ правительства съ цѣлю привлечь монастыри къ общей работѣ на пользу государства.

Авторъ не побоялся труда,—подробно и внимательно изучилъ какъ источники, такъ и литературу по вопросу и далъ продуманный и обстоятельный отвѣтъ. Сочиненіе не свободно отъ немногихъ, притомъ мелкихъ недосмотровъ; но во всѣхъ отдѣлахъ изложеніе отличается одинаковой полно-

тою и убѣдительностью; есть вопросы, которые, по признанію самого автора, не обслѣдованы имъ (стр. 294). Тѣмъ не менѣе сочиненіе г. Волосевича слѣдуетъ признать очень хорошимъ“.

11) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Воскресенскаго Андрея*: „Ксенось и его Окружное Посланіе“:

„Небольшая по объему (на 204 страницахъ довольно разгонистаго почерка) работа г. Воскресенскаго даетъ рецензенту не мало основаній къ упрекамъ по адресу ея автора. Содержаніе ея далеко не исчерпываетъ всего того печатнаго матеріала, какой могъ бы быть использованъ для личной характеристики одного изъ „трехъ замѣчательныхъ старообрядцевъ“ и для выясненія чрезвычайно важной роли „Окружнаго Посланія“ въ исторіи приѣмлющаго австрійскую іерархію старообрядчества. Въ доказательство неполноты сочиненія съ этой послѣдней стороны достаточно указать на то, что г. Воскресенскій свои сообщенія о раздѣленіяхъ и спорахъ изъ-за „Посланія“ ограничиваетъ почему-то временемъ жизни самого Кабанова—Ксеноса, между тѣмъ какъ глубокой разладъ между окружниками и противооужниками остается въ полной силѣ „даже до сего дне“... О литературныхъ качествахъ работы довольно невыгодное для ея автора представленіе начинается складываться уже при знакомствѣ съ оглавленіемъ, помѣщеннымъ въ началѣ, и упрочивается по мѣрѣ знакомства съ текстомъ, гдѣ по мѣстамъ встрѣчаются настоящіе стилистическіе монстры (см. стр. 25—26, 109, 126 и др.). Нельзя не отмѣтить, наконецъ, и бьющей въ глаза безграмотности, отвѣтственности за которую должна остаться на составителѣ даже и въ томъ случаѣ, если онъ— не одно лицо съ переписчикомъ. Но все же кое-что сдѣлано г. Воскресенскимъ для разработки выбранной имъ темы, и это сдѣланное, при свисходительной оцѣнкѣ, можно признать достаточнымъ для присужденія искомой степени“.

12) Ординарнаго профессора Сергѣя Глаголева о сочиненіи студента *Голощанова Сергѣя* на тему: „Божественность христіанства“:

„Г. Голощанову было предложено изложить тѣ основанія

по которымъ христіанство для него является божественнымъ по своему происхожденію и, слѣдовательно, истиннымъ по содержанию. Понятно, что каждый изъ насъ убѣждается въ истинности христіанства не отдаленными и спорными доказательствами, а тѣмъ, что мы имѣемъ въ себѣ и передъ собою— прежде всего Евангелиемъ. Тема, данная г. Голощапову, была не широка, не требовала самостоятельности мысли и, такъ сказать, самопознанія. Почему авторъ вѣрить во Христа—вотъ вопросъ темы. Г. Голощаповъ взялъ имѣющіеся курсы апологій христіанства и началъ извлекать оттуда доводы въ пользу всеобщности религіи, превосходства христіанской религіи предъ языческими, дѣйствительности пророчествъ и чудесъ, божественности Христа. Онъ далъ апологію христіанства.

Онъ намѣтилъ себѣ болѣе широкую задачу, чѣмъ какую предложили ему преподаватель, но широта въ подобнаго рода работахъ неизбѣжно бываетъ обратно пропорціональна глубинѣ. Устремляясь въ ширь, авторъ теряетъ возможность двигаться въ глубь, обиліе обсуждаемыхъ вопросовъ дѣлаетъ невозможнымъ тщательное и всестороннее изслѣдованіе каждаго изъ этихъ вопросовъ въ отдѣльности. Г. Голощаповъ говоритъ о цѣнности вѣры, въ которой видитъ основу жизни и дѣятельности. Разсужденію о вѣрѣ у него посвящено вступленіе. Въ 1-й главѣ онъ говоритъ о религіи, какъ выразительницѣ стремленій человѣка къ сверхъестественному и абсолютному. Онъ опредѣляетъ основные элементы религіи, указываетъ, что религія вообще констатируетъ разладъ въ жизни (фактъ грѣха и желаніе добра). Изъ желанія уничтожить этотъ разладъ возникло ожиданіе Мессіи. Разсужденію объ этомъ ожиданіи авторъ посвящаетъ 2-ю главу. 3-я глава посвящена выясненію образа Иисуса Христа—какъ дѣйствительнаго Мессіи, какъ божественнаго лица. 4-я трактуетъ о христіанствѣ, какъ религіи искупленія. Въ этихъ 4-хъ главахъ авторъ очень часто проводитъ параллели между христіанствомъ и язычествомъ для выясненія того, что христіанская истина безмѣрно возвышается надъ смутными исканіями истины, которыя проявляются въ языческихъ религіяхъ. 5-я глава говоритъ о воскресеніи І. Христа. Авторъ не разбираетъ рационалистическихъ гипотезъ, но положительнымъ образомъ на основаніи Новаго Завѣта хочетъ установить

фактъ воскресенія. 6-я глава посвящена характеристикѣ евангельскаго ученія. 7-я содержитъ разсужденіе о могуществѣ Евангелія, о той побѣдѣ, которую новозавѣтное благовѣствованіе одержало надъ міромъ. Сочиненіе заканчивается краткимъ заключеніемъ (2 листа съ небольшимъ).

Многихъ вопросовъ касается авторъ. Многократно онъ обращается къ языческимъ религіямъ, онъ даетъ обзоръ важнейшихъ мессіанскихъ пророчествъ, въ главѣ о христіанскомъ ученіи проводитъ параллели между новозавѣтнымъ ученіемъ о Троицѣ, индійской тримутри, теоріей Филона.

Авторъ поработалъ много и многому научился.

Выгодныя качества его сочиненія выступаютъ при сравненіи его съ нашими обычными курсами Основнаго Богословія. Вопросъ о вѣрѣ въ нихъ обычно даже не затрагивается. Авторъ понялъ важность этого вопроса при обсужденіи религіозной проблемы и съ него началъ свое изслѣдованіе. Языческія религіи часто привлекаются въ нашихъ курсахъ лишь для того, чтобы осудить ихъ. Авторъ пытался сдѣлать изъ нихъ болѣе возвышенное употребленіе, онъ подчеркивалъ въ языческихъ вѣрованіяхъ смутное тяготѣніе къ истинѣ и чаяніе искупленія. Наконецъ, авторъ центръ тяжести апологіи утвердилъ въ лицѣ Христа и Его ученія, что отвѣчаетъ вполне святости и истинности христіанства. Очень хорошо сдѣлалъ авторъ, привлекая для выясненія истинъ христіанства православное богослуженіе.

Но въ одинъ годъ нельзя изучить никакой науки—въ частности и науки о религіи, и промаховъ и ошибокъ въ сочиненіи г. Голощапова можно отмѣтить много.

Укажу нѣкоторые.

На 75 стр. у него совершенно извращается повѣствованіе Иліады, на 108—109 стр. сообщаются невѣрныя свѣдѣнія о человѣческихъ жертвахъ въ Греціи, на 130—131 отыскивается мессіанская идея въ сказаніи о Прометѣѣ, гдѣ на самомъ дѣлѣ этой идеи не оказывается, на 226 стр. упорно смѣшивается Брама съ Буддою въ повѣствованіи о воплощеніи Будды. Страннымъ въ хронологическомъ отношеніи представляется порядокъ, въ которомъ ведется рѣчь объ основателяхъ религій. Многое авторъ беретъ изъ книгъ, не достаточно обсудивъ и взвѣсивъ. Говоря, что всякій геній по-

ситъ на себѣ отпечатокъ націи, онъ указываетъ на Шекспира. Но какъ на самомъ дѣлѣ можно найдти отпечатокъ національности Шекспира въ его драмѣ „Смерть Юлія Цезаря?“ Есть у автора неудачныя выраженія (*отчаянная* критика по вопросу о воскресеніи Христа).

Но вообще авторъ поработалъ достаточно и съ большою пользою для своего самообразованія. Для полученія степени кандидата сочиненіе вполнѣ удовлетворительно*.

13) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Гусева Сергѣя* на тему: „Внутренняя исторія безпоповщины. (Эволюція доктрины, какъ основная причина дробленія на толки)“:

„Задача, указанная автору при выборѣ имъ этой темы для своей работы, состояла въ томъ, чтобы написать своего рода „философію исторіи“ безпоповщины: воспользовавшись тѣмъ, что сдѣлано доселѣ для изученія названной части отдѣлившася отъ церкви старообрядчества и не вдаваясь въ пересказъ деталей, достаточно уясненныхъ специальными изслѣдованіями, попытаться дать общую историческую схему постепеннаго обособленія разныхъ „толковъ“ среди послѣдователей безпоповщинской доктрины, вслѣдствіе внутреннихъ противорѣчій этой послѣдней и ея практической несогласуемости съ требованіями жизни. При такой концепціи центромъ вниманія должны были бы быть, очевидно, не отдѣльные, иногда очень мелочные и болѣе или менѣе случайные факты, а выясненіе внутренней связи и послѣдовательности главныхъ моментовъ, изъ которыхъ складывается процессъ внутренняго саморазложенія безпоповщины. Такая работа могла бы имѣть большой интересъ и цѣнность не только въ чисто научномъ, но и въ полемическомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, авторъ разсматриваемаго сочиненія не сумѣлъ достаточно уяснить себѣ этой задачи и направилъ свое изслѣдованіе по болѣе шаблонному пути. Въ результатѣ получился очень усердный, но мало интересный сводъ давно извѣстныхъ свѣдѣній о разномысліи и спорахъ въ безпоповщинскомъ расколѣ по вопросу объ антихристѣ, о бракахъ, объ отношеніи къ церковнымъ и гражданскимъ властямъ,—свѣдѣній, въ большинствѣ взятыхъ изъ вторыхъ рукъ и даже передаваемыхъ иногда очень близко къ тексту

ученыхъ пособій, изъ которыхъ они заимствованы. Спѣшнымъ оговориться, что авторъ нигдѣ не выдаетъ чужого за свое, и его довольно большой по объему трудъ долженъ быть признанъ вполне добросовѣстнымъ, какъ по широтѣ привлеченнаго къ обслѣдованію матеріала, такъ и по приемамъ его использованія. Во вниманіе къ несомнѣнному трудолюбію г. Гусева данную работу слѣдуетъ признать вполне удовлетворительной для присужденія ему кандидатской степени“.

14) Инспектора Академіи—профессора Александра Шостына о сочиненіи студента *Добролюбова Петра*: „Воспитаніе и образованіе въ древней Руси до Петра Великаго“:

„Во введеніи (I—XI стр.) авторъ выясняетъ кратко задачу своего изслѣдованія, характеризуетъ основные источники его и намѣчаетъ планъ работы. По этому плану изслѣдованіе распадается на три части. Часть *первая* (стр. 1—200) посвящается изложенію свѣдѣній, касающихся образованія и воспитанія на Руси до XVI вѣка; часть *вторая* (стр. 203—514) трактуетъ о школьномъ образованіи русскаго народа до Петра Великаго; послѣдняя *третья* часть (стр. 529—642) представляетъ изложеніе и разборъ свѣдѣній о внѣшкольномъ образованіи русскаго народа и средствахъ къ нему, о познаніяхъ нашихъ предковъ по философіи, исторіи, географіи.

Въ большей части своего сочиненія авторъ выступаетъ не самостоятельнымъ изслѣдователемъ, а лишь тщательнымъ компиляторомъ, зависѣвшимъ отъ трудовъ Лавровскаго, Харламповича, Митр. Макарія, проф. Голубинскаго, Голубева, Соболевскаго, Леонтовича, Миропольскаго, Демкова и др. Но и въ этой компилятивной работѣ онъ старался сопоставлять и сравнивать, а иногда провѣрять по первоисточникамъ различныя сообщенія раннѣйшихъ изслѣдователей, выбирая изъ нихъ болѣе надежныя.

Въ главѣ же „о школахъ и образованіи по житіямъ Святыхъ“ и особенно во всей третьей части своего труда онъ выступаетъ какъ изслѣдователь болѣе или менѣе самостоятельный, пользующійся непосредственно первоисточниками—житіями, лѣтописями, хронографами, описаніями путешествій древнерусскихъ торговыхъ и любознательныхъ людей

и т. под. Эти мѣста сочиненія г. Добролюбова представляются наиболѣе интересными и важными по собранію въ нихъ цѣннаго матеріала (хотя и не рукописнаго).

Для присужденія автору степени кандидата богословія разсмотрѣнный трудъ долженъ быть признанъ совершенно достаточнымъ“.

15) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Добросердова Александра* на тему: „Пресвященный Пителиримъ, еп. нижегородскій, и его миссіонерская дѣятельность“:

„Намѣтивъ кратко въ предисловіи (стр. 1—3) общій планъ своей работы и давъ во вступительномъ очеркѣ (стр. 5—52) характеристику общества, церкви и раскола въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст., авторъ разсматриваетъ въ двухъ отдѣлахъ сочиненія (подраздѣленныхъ въ свою очередь на нѣсколько главъ) сперва жизнь Пителирима до выступленія на борьбу съ расколомъ и „административно-миссіонерскую“ дѣятельность этого архипастыря (стр. 53—216), а затѣмъ—его „литературно-миссіонерскіе“ труды (стр. 217—320). Въ концѣ сочиненія имѣется особый отдѣлъ „приложеній“, содержащій въ себѣ нѣсколько документовъ, упоминаемыхъ въ изслѣдованіи, и занимающій около 5 листовъ.

При оцѣнкѣ сочиненія въ ряду его достоинствъ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить то, что авторъ, насколько было возможно въ условіяхъ студенческой срочной работы, старался использовать не только печатные, но и рукописные источники (изъ библіотекъ: Имп. Публичной, Хлудовской и Казанской Академіи) и вообще не уклонялся имѣть дѣло съ сырымъ матеріаломъ. Другую черту, производящую пріятное впечатлѣніе на читателя, представляетъ отсутствіе склонности (въ противоположность господствующей манерѣ академическаго писательства) вдаваться въ подробный пересказъ общеизвѣстнаго: ограничиваясь, гдѣ это возможно и нужно, лишь краткими ссылками на результаты чужихъ изслѣдованій, г. Добросердовъ предпочитаетъ останавливать свое вниманіе на томъ, что совсѣмъ не затронуто или недостаточно освѣщено его предшественниками. Въ этомъ стремленіи къ постановкѣ лишь болѣе новыхъ и трудныхъ вопросовъ онъ даже доходитъ до крайности, въ ущербъ

полнотѣ своего изслѣдованія: такъ, онъ совѣмъ не входитъ въ разсмотрѣнїе „Пращицы“, главнаго „литературно-миссіонерскаго“ труда преосвящ. Пителима. Впрочемъ, въ этомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, судя по заявленіямъ самого автора, причиною пробѣловъ былъ и недостатокъ времени для полнаго и исчерпывающаго изображенія противораскольнической дѣятельности Пителима во всемъ ея объемѣ. Эту же причиною можно объяснить и недостатки литературной обработанности, нерѣдко дающіе себя чувствовать на протяженіи рассматриваемаго сочиненія. Изъ „приложеній“ одни представляютъ выписку изъ печатныхъ изданій, другія—копію съ рукописей. Къ сожалѣнію, эта копія писана такимъ невозможнымъ почеркомъ, что отъ ближайшаго ознакомленія съ нею приходится отказаться.—Въ общемъ сочиненіе г. Добросердова—работа серьезная, добросовѣстная и вполнѣ достаточная для присужденія автору степени кандидата богословія“.

16) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Дьяконова Дмитрія* на тему: „Библейская флора“:

„Работа г. Дьяконова имѣетъ своимъ предметомъ Библейскую флору. Трактация предмета изслѣдованія подъ этою общемою темою можетъ быть разнообразна. Съ одной стороны Библейская флора стоитъ въ тѣсномъ отношеніи къ ветхозавѣтному культу, давая не только матеріалъ для жертвоприношеній и очистительныхъ обрядовъ, но и служа для сооруженія скинии, храма и ихъ ритуальныхъ принадлежностей; съ другой стороны Библейская флора является источникомъ для поэтическихъ образовъ, украшающихъ страницы ветхозавѣтной Библии. Можно неогрѣшительно сказать, что изъ 3 царствъ природы именно флора дала наибольшій количественно и наилучшій качественно матеріалъ для поэтическихъ сравненій и описаній у священныхъ писателей. Наконецъ Библейскую флору можно подвергнуть общему и детальному разсмотрѣнію, какъ научно-ботанической матеріалъ. Такая или иная точка зрѣнія на изучаемый предметъ должна соотвѣтственно вліять и на схематизацію и частную группировку матеріала, извлекаемаго изъ Библейскихъ текстовъ. Г. Дьяконовъ заинтересовался упоминаемыми въ Биб-

ліи растеніями именно съ послѣдней, ботанической точки зрѣнія, а потому распредѣлили разсмотрѣнныя имъ растенія по группамъ и семействамъ въ Ботанической номенклатурѣ, однако такой перевѣсъ научно-ботаническаго интереса въ изслѣдованіи не помѣшалъ автору разбираться попутно и въ бібліологическихъ проблемахъ, соприкосновенныхъ съ Библейскою флорою. Послѣ ботаническихъ описаній г. Дьяконовъ сообщаетъ въ классическихъ выдержкахъ изъ ветхозавѣтнаго подлинника о томъ или другомъ растеніи въ метафорическомъ языкѣ Библии или о связи флоральныхъ элементовъ съ отправленіями культа въ скиніи и храмѣ. Эти аппендиксы, разрастающіеся иногда на цѣлыя страницы и ряды таковыхъ, обращаютъ работу г. Дьяконова въ удачную комбинацію ботаническихъ этюдовъ съ библейско-археологическимъ и библейско-стилистическимъ изысканіемъ. Ограниченный временемъ, г. Дьяконовъ изучилъ не всѣ растенія, упоминаемая въ Библии, относительно чего самъ сознается въ послѣсловіи своего труда, но сдѣланные имъ многочисленные обзоры вполне достаточны, чтобы опредѣлить это сочиненіе, какъ удовлетворительную годовичную работу. Авторъ владѣетъ перомъ и по мѣстамъ пишетъ изящно, хотя общій сухой матеріалъ изслѣдованія не далъ ему возможности шире проявить эти свойства стилиста. О научномъ значеніи работы г. Дьяконова въ области Библейской лингвистики и археологіи рецензентъ долженъ сказать, что сочиненіе, написанное при несомнѣнныхъ познаніяхъ автора въ ботаникѣ (систематикѣ и географіи растеній) и при добромъ желаніи дать синтезъ научно-ботаническихъ матеріаловъ и Библейской флоральной терминологіи, является какъ *prûs* для новыхъ изслѣдователей въ той же области и съ тою же задачею, но менѣе обусловленныхъ границами времени и болѣе обоснованныхъ на знакомствѣ съ семитическою ботаническою лексикою. Подъ перомъ Лѣва трактатъ объ арамейскихъ названіяхъ растеній разросся до величины книжнаго тома, то же имѣло мѣсто, когда Хоммель занялся именами млекопитающихъ у южно-семитовъ. Углубленіемъ работы г. Дьяконова могло бы служить выясненіе дериваціи именъ растеній, упоминаемыхъ въ ветхозавѣтной Библии, но и написанный имъ спеціальный справочникъ для занимаю-

щихся ветхозавѣтной Библиею даетъ ему право на кандидатскую степень“.

17) Исправляющаго должность доцента Анатоля Орлова о сочиненіи студента *Крылова Павла* на тему: „Взглядъ Денифле на личность Лютера и происхождение лютеранства“:

„Сочиненіе г. Крылова состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая и наиболѣе значительная (1—375 стр.) посвящена собственно изложенію книги Денифле (Denifle—Weiss. Luther und Luthertum. 1 B. Mainz. 1904—5. 2 B. Mainz. 1906), а вторая (377—496 стр.) содержитъ въ себѣ сжатый, но довольно обстоятельный ея разборъ какъ со стороны ея общихъ методологическихъ приѣмовъ, такъ и со стороны ея главныхъ тезисовъ,—сдѣланной отчасти на основаніи спеціальныхъ рецензій и критическихъ брошюръ объ изслѣдованіи Денифле (Kolde, Seeberg, Walther, Kawerau), а отчасти—и общей литературы о Лютерѣ и реформаціонной эпохѣ (Новиковъ, Карѣевъ, Лампрехтъ, Köstlin, Jurgens и др.). Наиболѣе существеннымъ дефектомъ работы г. Крылова является недостатокъ его авторской самодѣятельности, сказывающійся не только въ критической части его сочиненія, но и въ самомъ изложеніи книги Денифле. Еслибы авторъ отрѣшился отъ слишкомъ близкой привязанности къ тексту характеризуемой книги, и, минуя частности, далъ болѣе сжатое, цѣлостное и продуманное изложеніе взглядовъ Денифле,—сочиненіе много выиграло бы. Литературная сторона работы г. Крылова вообще оставляетъ желать многого. Неприятное впечатлѣніе между прочимъ производятъ нерѣдко оставляемая авторомъ въ текстѣ своего сочиненія безъ перевода какъ отдѣльныя иностранныя слова, такъ и цѣлыя тирады. Кандидатской степени г. Крыловъ заслуживаетъ вполне“.

18) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Лисицына Вячеслава* на тему: „Роль грековъ въ реформѣ патріарха Никона“:

„Намѣченный въ небольшомъ введеніи (стр. 1—15) планъ своей работы авторъ довольно удачно выполняетъ въ пяти главахъ ея. Двѣ изъ нихъ посвящены характеристикѣ отношеній между русскими и греками въ періодъ, предшествовавшій названной „реформѣ“, и выясненію обоюдной

оцѣнки тѣми (гл. I, стр. 16—58) и другими (гл. II, стр. 59—106) своего и чужого „православія“ въ половинѣ XVII в. Въ гл. III (стр. 107—163) рѣчь идетъ о тѣхъ обстоятельствахъ и вліяніяхъ, при которыхъ и подъ воздѣйствіемъ которыхъ „русскій и сынъ русскаго“ п. Никонъ сдѣлался горячимъ поборникомъ „греческихъ убѣжденій“, положенныхъ въ основу его церковно-преобразовательной дѣятельности. Изображеніе этой послѣдней и участія въ ней, въ качествѣ идейныхъ вдохновителей и ближайшихъ сотрудниковъ русскаго патріарха, нѣкоторыхъ представителей греческаго и вообще восточно-христіанскаго міра составляетъ содержаніе двухъ слѣдующихъ главъ, охватывающихъ всѣ важнѣйшіе моменты книжно-обрядовой sprawy включительно до собора 1654 г. (гл. IV, стр. 165—240) и послѣ него (гл. V, стр. 241—332). Общіе выводы изслѣдованія, въ примѣненіи къ вопросу о происхожденіи такъ наз. старообрядческаго раскола, кратко изложены въ заключительномъ отдѣлѣ сочиненія (стр. 333—344).

Со стороны фактической трудъ г. Лисицына не отличается оригинальностью и новизной: въ этомъ отношеніи составителю разсматриваемой работы, не имѣвшему въ своемъ распоряженіи никакихъ новыхъ первоисточниковъ, пришлось ограничиться собираніемъ и провѣркою тѣхъ свѣдѣній, какія по частямъ уже введены въ ученый оборотъ изслѣдователями начальной исторіи старообрядческаго раскола. Попытку привнести нѣчто свое установленіемъ точной даты собора 1654 г. (на стр. 227) нельзя признать удачной. Въ пониманіи и оцѣнкѣ излагаемыхъ фактовъ авторъ большею частью также лишь слѣдуетъ за своими предшественниками и руководителями, воспроизводя ихъ мысли ихъ же словами, иногда безъ должной оговорки. При всемъ томъ разсматриваемому сочиненію нельзя отказать въ нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ. Къ числу таковыхъ нужно отнести полноту использованія научныхъ пособій, обдуманную и умѣлую группировку собраннаго фактическаго матеріала, строгую выдержанность общей точки зрѣнія на всю совокупность изслѣдуемыхъ явленій и достаточную литературную обработанность изложенія, которая лишь изрѣдка „сдабривается“ (стр. 150) не совсѣмъ удачными словами и фразами. Во всякомъ случаѣ, своей практической цѣли сочиненіе г.

Лисицына удовлетворяетъ въ совершенно достаточной степени“.

19) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Любимова Николая* на тему: „Ювеналь и Марціаль въ ихъ отношеніи къ іудейству“:

„Задачею г. Любимова было прослѣдить по произведеніямъ двухъ римскихъ сатириковъ отношеніе Римской интеллигенціи къ евреямъ. Изученіе такого узко-спеціального вопроса потребовало предварительнаго экскурса въ область взаимоотношеній Рима и Іудеи и въ частности положенія Римской діаспоры, поэтому невольно приходилось расширить тематическій вопросъ и писать объ евреяхъ разсвѣнія, особенно объ евреяхъ вѣчнаго города. Историко - археологическія справки г. Любимова подтверждаютъ мнѣніе о томъ, что іудеифобія народилась не съ христіанствомъ, вообще не стоитъ въ генетической связи съ нимъ, но отличаетъ конфликтъ двухъ цивилизацій: арійской и семитской. Для поясненій данныхъ у Ювенала и Марціала г. Любимовъ цитируетъ и другихъ синхронистическихъ и раннѣйшихъ римскихъ писателей, особенно Тацита, останавливаясь и на іудеифобскомъ направленіи извѣстнаго Апіона. Полнота или дефекты археологическихъ справокъ у латинскихъ поэтовъ касательно евреевъ того времени обусловлены тонкостью экзегесиса поэтической рѣчи и образомъ, что въ свою очередь опредѣляется степенью познаній по археологій древне-еврейскаго быта. Поэтическая черта, обмолвка, ничего не говорящая одному, многое скажетъ другому. Во всякомъ случаѣ г. Любимовъ работалъ въ области, гдѣ имѣетъ значеніе и *ars nesciendi*, а потому вполне заслуживаетъ, какъ авторъ содержащей обильный историческій матеріалъ диссертации, кандидатской степени“.

20) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Магнитскаго Ивана* на тему: „Арсеній Грекъ. Его жизнь и дѣятельность“:

„Содержаніе и планъ этого сочиненія достаточно ясно обрисовываются подробнымъ оглавленіемъ его, помѣщеннымъ на стр. 302—305. Въ общемъ авторъ слѣдуетъ въ изложеніи сообщаемыхъ свѣдѣній хронологическому порядку, хотя и не безъ нѣкоторыхъ отступленій, не всегда достаточно

обоснованныхъ. Что касается фактическихъ данныхъ о жизни и дѣятельности Арсенія Грека, то они сполна заимствованы изъ печатныхъ источниковъ и пособій. Заслуга г. Магнитскаго состоитъ въ тщательномъ подборѣ и умѣлой группировкѣ этихъ данныхъ, недостатокъ которыхъ онъ старается восполнить, по возможности, предположеніями и догадками, не всегда, впрочемъ, удачными и основательными (стр. 28, 122, 186 и др.). Пользуясь въ некоторыми источниками изъ вторыхъ рукъ, онъ точно указываетъ свои ближайшія пособія, не выдавая чужой учености и чужихъ мнѣній за свои собственные. Тѣмъ пріятнѣе и обязательнѣе рецензенту оцѣнить достойнымъ образомъ положительныя качества работы скромнаго изслѣдователя: исчерпывающую полноту даннаго имъ свода всѣхъ доселѣ извѣстныхъ въ печати свѣдѣній объ одномъ изъ главныхъ дѣятелей книжной sprawy при п. Никонѣ, умѣнье всегда держать вниманіе на главномъ предметѣ изслѣдованія, не загромождая его излишними деталями третъестепеннаго значенія, спокойную объективность и благородную гуманность сужденій о лицѣ, въ отношеніи къ которому такъ легко было бы, вслѣдъ за нѣкоторыми авторитетными предшественниками по работѣ, впасть въ тонъ суроваго обличителя, наконецъ — ясность, сжатость и обработанность изложенія, въ которомъ почти не замѣчается значительныхъ стилистическихъ дефектовъ. Въ качествѣ кандидатской диссертациі сочиненіе вполне удовлетвори-тельно“.

21) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Масюкова Иннокентія* на тему: „Рабы чужестранцы у евреевъ“:

„Тема сочиненія г. Масюкова настолько ограничительна, что передача содержанія его работы является ненужною. Въ виду скромнаго матеріала касательно рабовъ чужестранцевъ на страницахъ Библии г. Масюковъ ввелъ въ свою работу и данныя о рабахъ евреевъ (до 47 стр. bis). Вступительныя замѣчанія ознакомятъ съ библейскою терминологіею въ области сервитута и заимствованы главнымъ образомъ изъ превосходной монографіи André. *L'esclavage chez les anciens hebreux. Etude d' archeologie biblique.* Paris. 1892. Вліяніе взглядовъ André замѣчается во всей работѣ, хотя авторъ ея ви-

димо изучать и другую доступную ему литературу по вопросу о рабствѣ у древнихъ евреевъ, особенно на русскомъ языкѣ. Къ достоинству работы г. Масюкова нужно отнести отсутствіе уклоненій въ сторону вопросовъ, соприкасавшихся съ юрисдикціею относительно рабовъ, а потому и при небольшомъ объемѣ сочиненіе исчерпываетъ тематическій вопросъ. Рецензентъ могъ бы пожелать только сравнительнаго изложенія данныхъ изъ Библии объ обоихъ видахъ рабовъ— о рабахъ изъ евреевъ и о рабахъ изъ иноплеменниковъ, чтобы сдѣлались болѣе рельефными принципы законодательства касательно рабовъ. Какъ кандидатское разсужденіе работа г. Масюкова удовлетворительна“.

22) Ординарнаго профессора Александра Голубцова о сочиненіи студента *Махаева Николая* на тему: „Литургическая дѣятельность Геннадія, архіепископа Новгородскаго“:

„Въ коротенькомъ предисловіи авторъ говоритъ о планѣ своей работы и главнѣйшихъ пособіяхъ къ первой части ея. Указавъ затѣмъ причины, направлявшія съ самаго начала христіанства на Руси духовную жизнь нашихъ предковъ преимущественно „по религіозно-нравственному руслу“, онъ вслѣдъ за другими изслѣдователями находитъ присутствіе въ послѣднемъ двухъ противоположныхъ и потому порою сталкивавшихся между собою теченій: „внѣшне-обрядового и внутренне-психологическаго“. Подробное раскрытіе существа и послѣдствій этихъ ко времени архіепископа Новгородскаго Геннадія достаточно опредѣлившихся направленій сознанія съ рѣчами о наиболѣе крупныхъ и замѣтнѣе отразившихся на выработкѣ міросозерцанія и дѣятельности названнаго святителя явленіяхъ церковной и отчасти социально-экономической жизни изучаемой г. Махаевымъ эпохи и составляютъ содержаніе первой главы его сочиненія. Самая личность Геннадія больше внѣшне, чѣмъ внутренне понимавшаго христіанство, его происхожденіе, религіозно-нравственныя воззрѣнія и умственный образъ, его живая, открыто-смѣлая и отзывчиво-разносторонняя дѣятельность вообще, литературная въ особенности служатъ предметомъ второй главы. Другая часть сочиненія, распадающаяся также на двѣ главы, посвящена нарочитому разсмотрѣнію литургическихъ трудовъ Новгородскаго владыки. Путемъ тщатель-

наго разбора лѣтописныхъ извѣстій и собственныхъ сочиненій послѣдняго, но больше всего помощію широкаго изученія нашей пасхалистической литературы XVI—XVII вѣковъ и главнымъ образомъ Миротворныхъ круговъ авторъ старается показать несомнѣнность работъ Геннадія въ области пасхалии и опредѣлить объемъ и существо ихъ. Сопоставивъ сдѣланное святителемъ съ раннѣйшими древнерусскими и отчасти греческими пасхалиями, г. Махаевъ находитъ, что трудъ его былъ самостоятельный, а эклектический, вызванный извѣстными историческими обстоятельствами и имѣвшій весьма важное значеніе не только для своего, но и для послѣдующаго времени. Во второй главѣ, показавъ, сколько позволяли данныя, вѣроятность занятій архіеп. Геннадія такъ называемымъ Окозрительнымъ уставомъ и давъ общее представленіе о содержаніи его, авторъ описываетъ окозрительную систему Геннадіеву, говоритъ о терминологіи и симіографіи, принятыхъ въ ней. Обстоятельно ознакомившись по раннѣйшимъ и позднѣйшимъ спискамъ Окозрительнаго устава съ начертаніемъ знаковъ, смысломъ и видами ихъ, г. Махаевъ дѣлаетъ попытку возможно точнѣе опредѣлить границы труда Новгородскаго архіепастыря по данному вопросу, равно также побужденія, заставившія его взяться за эту работу, приблизительное время и значеніе ея для современниковъ. *Небольшими замѣчаніями* о составленной архіеп. Геннадіемъ молитвѣ къ пресв. Богородицѣ и произведенномъ имъ распредѣленіи каноновъ на келейномъ правилѣ и молебнахъ авторъ заканчиваетъ свое сочиненіе.

Разсматриваемое сочиненіе хотя сравнительно немало по объему, но и не обширно (стрр. II+187, in quarto majore, переписанн. на Ремингтонѣ). Судить впрочемъ о затраченномъ трудѣ въ данномъ случаѣ по количеству листовъ было бы особенно несправедливо. Г. Махаеву пришлось работать въ неблагоприятныхъ и далеко неодинаковыхъ съ своими товарищами условіяхъ. Матеріаль, подлежащій его изученію, прежде всего не легко было привести въ извѣстность, собрать. Для этого потребовалось съѣздить ему въ Петербургъ и много разъ побывать въ Москвѣ, пересмотрѣть тамъ и здѣсь въ бібліотекахъ множество рукописей, а нѣкоторыя изъ нихъ полностью изучить. Не говоримъ уже, что онъ

пользовался рукописями Троице-Сергиевой лавры и родной академіи. Извлеченіе относящихся къ извѣстной темѣ данныхъ изъ рукописей и отъ людей, знакомыхъ съ ними, требуетъ большой сноровки, а для начинающаго студента оно должно было составлять тяжелое испытаніе. Трудность состояла не въ разобраніи только писемъ разныхъ почерковъ, а въ умѣнни читать и понимать именно памятники по интересовавшему нашего автора вопросу. Древне-русскія пасхалии, а отчасти и Окозрительные уставы съ ихъ многочисленными, нерѣдко въ высшей степени сложными и хитроумными таблицами, кругами, „руками“, условными знаками, съ ихъ своеобразною терминологіей, въ значительной части своей совершенно особаго рода книги, точнѣе сказать, замысловатые ребусы. Для разгадки и полного уразумѣнія настоящаго смысла ихъ кромѣ природнаго остроумія требуются еще хорошія познанія въ наукѣ бѣгослуженія и пасхалии—тѣмъ болѣе, что у г. Махаева не было почти предшественниковъ по работѣ. Единственно сколько-нибудь руководственное значеніе имѣли для него весьма давнія статьи В. М. Ундольскаго и А. С. Павлова. Авторъ успѣшно превозмогъ предстоявшія ему трудности. Старательно и терпѣливо онъ собралъ много новаго и интереснаго матеріала по своему вопросу. Изъ рукописей библіотекъ: Троице-Сергиевой лавры, Московской и Петербургской духовныхъ академій, Императорской Публичной, Московскихъ: Синодальной, Типографской, Румянцовскаго музея, Архива Иностранныхъ Дѣлъ, Хлудовской и Епархіальной главное и прямо относившееся къ темѣ привлечено имъ и относительно немногое осталось неизвѣстнымъ или неиспользованнымъ (стр. 115, 117, прим.). Часть этого свѣжаго рукописнаго матеріала помѣщена въ обширныхъ приложеніяхъ къ сочиненію (стрр. 1—49), еще большая часть вошла въ самый текстъ и примѣчанія къ нему, вошла въ видѣ не сиромъ, а болѣе или менѣе обработанномъ и систематическомъ. Вторая часть сочиненія, въ которой разсматривается собственно литургическая дѣятельность архіеп. Геннадія, безъ преувеличенія можно сказать, представляетъ нѣчто совсѣмъ новое и весьма цѣнное въ наукѣ; особенно это должно замѣтить про тѣ отдѣлы въ ней, гдѣ идутъ весьма обстоятельныя рѣчи о редакціяхъ Миротворныхъ круговъ и симіографіи Окозрительныхъ уставовъ. Здѣсь

ощутительно даютъ о себѣ знать и широкое знакомство съ рукописными данными, и вполне научные приемы изслѣдованія, и умѣнье автора изъ сухихъ, мелкихъ, но внимательно изученныхъ данныхъ, дѣлать надлежащіе выводы. Способный авторъ обладаетъ, на нашъ взглядъ, даромъ незауряднаго синтеза, сказавшагося съ особенною силой въ первой части сочиненія, въ умѣло и правдиво сдѣланныхъ характеристикахъ эпохи и личности Новгородскаго владыки. Съ помощію не новыхъ, но искусно подобранныхъ, объясненныхъ и объединенныхъ фактовъ ярко и живо очерчена та и другая. И все сочиненіе отличается единствомъ мысли и читается съ интересомъ отъ начала до конца, чему много способствуетъ правильный, совершенно литературный языкъ и живое отчетливое изложеніе. Портявъ нѣсколько впечатлѣніе встрѣчающіяся въ сочиненіи повторенія, а равно также употребляемыя по мѣстамъ иностранныя слова. Авторъ самъ задавался мыслию не повторяться, но это не вездѣ ему удалось. Хотя бы, на примѣръ, въ рѣчахъ объ ожидавшейся русскими людьми въ концѣ XVI в. кончинѣ міра, какъ одномъ изъ побужденій въ литургической дѣятельности архіеп. Геннадія.

Перечень произведеній, связанныхъ съ именемъ Геннадія (стрр. 58—55), можетъ быть, лучше было бы привести въ предисловіи подъ рубрикой источниковъ для второй части сочиненія, а любопытный варіантъ посланія Новгородскаго владыки къ паствѣ по рукописи Императорской Публичной бібліотеки, находящейся теперь въ примѣчаніи (стр. 120—121), помѣстить съ подробнымъ анализомъ въ текстѣ. Мы рекомендовали бы также автору избѣгать излишней сжатости (стрр. 9, 24, 52, 94, 109), глухихъ ссылокъ и недосмотровъ (стрр. 4, 7, 14—16, 54, 56, 141). Будетъ искренно жаль, если настоящій серьезный трудъ, на который потрачено столько усилий и даже скудныхъ студенческихъ сбереженій, не увидитъ свѣта, и мы настойчиво совѣтовали бы г. Махаеву продолжать, если обстоятельства позволяютъ, свои изысканія: познакомиться съ рукописями, оставшимися ему почему-либо неизвѣстными, а главное пересмотрѣть и обслѣдовать внимательно собранный уже матеріалъ. Можно быть увѣреннымъ, что послѣ новаго, неспѣшнаго и вдумчиваго пересмотра разъяснится непонятое имъ (стрр. 108, 110) и станутъ

положительнѣе его рѣчи тамъ, гдѣ пока высказаны болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія (стрр. 96, 97, 99—101, 105, 108). Но и въ настоящемъ своемъ видѣ рассматриваемое сочиненіе по справедливости должно быть отнесено къ ряду рѣдкихъ студенческихъ работъ и, какъ таковое, заслуживаетъ не только степени кандидата богословія, но и особаго поощренія со стороны Совѣта Академіи“.

23) Исправляющаго должность доцента Николая Туницкаго о сочиненіи студента *Миролюбова Георгія* на тему: „Религіозные, историческіе и бытовые сюжеты въ художественной обработкѣ Алексѣя Толстого“:

„Въ одиннадцати небольшихъ главахъ своего сочиненія г. Миролюбовъ, послѣ излишне-распространеннаго изложенія біографіи А. Толстого, рассматриваетъ важнѣйшія произведенія его со стороны развиваемыхъ въ нихъ сюжетовъ. Анализу подвергаются главнымъ образомъ произведенія религіознаго и историческаго характера, уже останавливавшія на себѣ вниманіе изслѣдователей: Пѣснь о походѣ кн. Владиміра на Корсунь, Грѣшница, Іоаннъ Дамаскинъ, Донъ-Жуанъ, Трилогія и нѣсколько былинъ. Другія, болѣе мелкія, стихотворенія съ религіознымъ и историческимъ содержаніемъ, а также всѣ произведенія съ бытовыми сюжетами остались совсѣмъ незатронутыми. Отсюда—недостатокъ полноты изслѣдованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ сочиненіе не отличается ни устойчивостью метода, ни обоснованностью главныхъ взглядовъ автора, ни достоинствами изложенія. Сравнивая художественную обработку религіозныхъ и историческихъ сюжетовъ у А. Толстого съ соотвѣтствующей обработкой ихъ въ лѣтописи, въ священныхъ и житійныхъ сказаніяхъ, въ былинахъ и въ произведеніяхъ различныхъ русскихъ и западноевропейскихъ писателей, авторъ держится эволюціонныхъ взглядовъ на развитіе литературы, въ частности вдохновляется теоріей „бродячихъ“ сюжетовъ. Но онъ очень мало знаетъ своихъ вдохновителей: Брюнетьера не изучилъ совсѣмъ, а А. Н. Веселовскаго изучилъ поверхностно. Въ результатъ онъ—эволюционистъ скорѣе по своимъ вождельніямъ, чѣмъ по методу изслѣдованія. Въ его трудѣ нѣтъ послѣдовательно проведеннаго и устойчиваго понятія „сюжетности“: сюжетъ часто смѣшивается съ содержаніемъ

произведенія, съ фавулой, съ случайнымъ мотивомъ и даже съ типомъ. На всемъ протяженіи сочиненія, параллельно съ разборомъ произведеній, ведется полемика съ учеными, которые причисляютъ А. Толстого къ романтикамъ. Но аргументы автора лишены убѣдительности. Изложеніе страдаетъ недостаткомъ литературной обработки.— Впрочемъ, разсматриваемое сочиненіе не лишено и нѣкоторыхъ достоинствъ. Оно обнаруживаетъ въ авторѣ хорошее знакомство съ литературой, непосредственно касающейся А. Толстого, и умѣние находить въ ней данныя, отвѣчающія на поставленные въ сочиненіи вопросы. Авторъ совмѣщаетъ въ себѣ художественное чутье съ способностью дѣлать оригинальныя оцѣнки поэтическихъ произведеній. Онъ умѣетъ вѣрно проникать въ смыслъ характеризуемыхъ сюжетовъ и находить для нихъ новыя, иногда довольно остроумныя, литературныя параллели. На всемъ его сочиненіи лежитъ отпечатокъ теплаго отношенія къ избранному писателю и вообще къ русской литературѣ. Эти положительныя свойства сочиненія даютъ право признать автора заслуживающимъ кандидатской степени“.

24) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента священника *Миртова Иоанна* на тему: „Воззрѣнія пророка Исаи на общество“:

„О. Миртовъ заинтересовался вопросомъ о воззрѣніяхъ пророка Исаи на общество еще въ бытность студентомъ 2 курса, когда избралъ эту тему для своего семестроваго сочиненія, впоследствии въ переработкѣ имъ напечатаннаго. Рецензентъ долженъ признать, что тема, избранная о. Миртовымъ, требовала чрезвычайныхъ усилій для надежнаго въ научномъ (библіологическомъ) смыслѣ разрѣшенія, поэтому при оцѣнкѣ, какъ библейско - археологическая монографія, работа о. Миртова представляется блѣдною, но авторъ ея несомнѣнно quod potuit fecit. По схемѣ автора раскрытіе предмета изслѣдованія ведется такъ: послѣ краткаго вступленія, въ первой главѣ указываются идеальныя нормы для жизни народа Божія (требованіе святости) по совокупнымъ даннымъ ветхозавѣтной библейской письменности, во второй главѣ приводится частное обзорѣніе еврейскаго быта по даннымъ книги пророка Исаи, въ третьей главѣ сообщается, какимъ путемъ должна была бы восстановиться гармонія между

высшими этическими требованиями, предносящимися пророку, и дѣйствительною жизнью народа, въ заключительной четвертой главѣ дается концепція Мессіанскаго будущаго по тому же пророку. Во всѣхъ отдѣлахъ работы о. Миртова была бы желательна бѣльшая освѣдомленность автора въ области библейско-археологическихъ проблемъ и построеній (хотя бы касательно дѣйствительнаго отношенія Моисеева законодательства къ народному быту), равно хотя бы скромное примѣненіе филологическаго экзегесиса, однако и въ настоящемъ видѣ работа о. Миртова, проникнутая религіознымъ настроеніемъ и свидѣтельствующая о библейской начитанности ея автора, заслуживаетъ присужденія ему степени кандидата богословія“.

25) Исправляющаго“ должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Мякшина Григорія* на тему: „Общество и государство по законодательству въ Пятокнижии Моисея“:

„Обширное сочиненіе г. Мякшина, состоящее изъ 22 главъ, предисловія и заключительнаго отдѣла, производитъ впечатлѣніе труда, основаннаго на разсмотрѣннн множества работъ, посвященныхъ вопросу о Моисеевомъ законодательствѣ. Авторъ тщательно перечиталъ всю русскую литературу по интересующему его вопросу, въ отдѣльныхъ монографіяхъ и въ статьяхъ духовныхъ и свѣтскихъ періодическихъ изданій, и дѣльно штудировалъ наилучшія пособія на французскомъ языкѣ. Г. Мякшинъ далъ перевѣсъ въ своемъ сочиненіи анализу принциповъ Моисеева законодательства, а потому фактическая казуистика остается въ его работѣ по мѣстамъ въ тѣни, между тѣмъ она именно и цѣнна для Библейско-археологической дисциплины. Нѣкоторый дефектъ въ сочиненіи представляетъ модернизация древнихъ учреждений общественнаго и государственнаго быта, благодаря чему авторъ описываетъ въ несоотвѣтствующихъ выраженіяхъ бытовое и политическое устройство евреевъ въ Библейскія времена. Во всякомъ случаѣ г. Мякшинъ весьма потрудился надъ изученіемъ многихъ мѣстъ ветхозавѣтнаго подлинника, владѣетъ вполне достаточно навыкомъ къ филологическому экзегесису и главное обнаружилъ внутренній интересъ къ предмету своего изслѣдованія, а потому заслуживаетъ степени кандидата“.

26) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Назаркевича Полѣвкта* на тему: „Матеріалы въ богослуженіи страстной и пасхальной седмиць для догматическаго ученія о страданіяхъ, смерти, сошествіи во адъ и воскресеніи Иисуса Христа“:

„Признавая дѣло спасенія людей, совершенное Иисусомъ Христомъ, центромъ процесса міровой исторіи и бытія, г. Назаркевичъ поставилъ задачей своего труда „показать на основаніи матеріала, даваемаго службами страстной и пасхальной седмиць, значеніе и смыслъ голгоетскихъ событій въ общемъ міровомъ планѣ... и представить христіанское догматическое ученіе о страданіяхъ, смерти, сошествіи во адъ и воскресеніи Иисуса Христа по возможности въ послѣдовательной системѣ, на сколько къ тому уполномочиваетъ указанный литургическій матеріалъ“.

Такъ какъ дѣло спасенія человѣческаго рода, осуществленное главнымъ образомъ чрезъ великія событія конца земной жизни Иисуса Христа, тѣсно связано съ самымъ лицомъ Совершителя спасенія, то первый отдѣлъ своего сочиненія (29—99 стр.) г. Назаркевичъ посвящаетъ изъясненію тѣхъ пѣснопѣній страстной и пасхальной седмиць, въ которыхъ содержится ученіе о Богѣ—Спасителѣ, въ частности—о Сынѣ Божіемъ, какъ второмъ лицѣ Святой Троицы (1-я глава), о Сынѣ Божіемъ, какъ Логосѣ, открывающемъ себя въ мірѣ, а именно, въ твореніи міра, въ промышленіи о мірѣ и въ исторіи человѣчества (2-я глава), и о Сынѣ Божіемъ воплотившемся, о Богочеловѣкѣ, Христѣ (3-я глава). Это какъ бы подготовительный отдѣлъ для главнаго, второго, отдѣла сочиненія (101—247 стр.), въ четырехъ главахъ котораго изъяснено содержащееся въ пѣсняхъ страстной и пасхальной седмиць ученіе—а) о страданіяхъ, б) смерти, в) сошествіи во адъ и г) воскресеніи Иисуса Христа.

Въ краткой заключительной главѣ (249—258 стр.) указано нѣсколько пѣснопѣній страстной и пасхальной седмиць, заключающихъ въ себѣ мысли объ усвоеніи людьми спасительнаго дѣла Христова вѣрою, воспріятіемъ благодати Божіей и новымъ направленіемъ жизни возрожденныхъ чрезъ Христа и сопричастныхъ жизни Христа.

Нельзя, конечно, упрекать, а скорѣе можно одобрить г. Назаркевича за то, что онъ въ видахъ основательности и пол-

ноты, нѣсколько расширилъ свою тему, давши ученіе не только о спасеніи, но и о Самомъ Спасителѣ. Но за то онъ не нашелъ уже времени провести, хотя бы въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, параллели между важнѣйшими положеніями, извлеченными имъ изъ церковныхъ пѣсней, и сродными или даже одинаковыми съ ними догматическими мыслями, заключающимися въ ученыхъ, прозаическихъ произведеніяхъ отцевъ и учителей Церкви. Мысль о такомъ параллелизмѣ напрашивалась сама собой уже потому, что напр. Іоаннъ Дамаскинъ былъ и пѣснописцемъ и ученымъ догматистомъ. и, безъ сомнѣнія, было бы очень полезно сопоставить съ его „пѣсенными“ изреченіями его же учено-догматическія положенія. Это дало бы возможность автору сочиненія глубже вникнуть въ смыслъ и лучше изъяснить тѣ или иныя пѣснопѣнія, вообще это расширило бы горизонтъ его мысли. Другой недостатокъ сочиненія тотъ, что хотя авторъ его тщательно изучилъ подлежавшій его изслѣдованію пѣсенный догматическій матеріалъ, но всетаки нѣкоторыя пѣснопѣнія ускользнули отъ его вниманія и не вошли въ его сочиненіе. Крупное достоинство труда г. Назаркевича—самостоятельность. Не имѣя подъ руками почти никакихъ пособій, онъ самъ выработалъ планъ сочиненія, собралъ изъ трюдей матеріалъ, распредѣлилъ его по группамъ согласно своему плану и снабдилъ своими поясненіями, хотя довольно краткими, больше вербальными. При изъясненіи онъ сравнивалъ славянскій текстъ пѣснопѣній съ греческимъ подлинникомъ и во многихъ мѣстахъ привелъ въ скобкахъ греческія слова пѣснопѣній съ переводомъ ихъ на русскій языкъ. Повидимому, онъ трудился съ любовью къ предмету своего труда. Изложено сочиненіе удовлетворительно. Мы замѣтили, однако, что во введеніи рѣчь мѣстами нѣсколько высокопарна и тягуча, а также есть неудачныя выраженія (голгофская трагедія, голгофская драма, коррегируется). Для удостоенія г. Назаркевича степени кандидата сочиненіе его вполне удовлетворительно“.

27) Ординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Нечаева* (Косташъ) *Петра* на тему: „Германъ Ульрици (Историко-критическая монографія)“:

„Огромное (стр. СХХХVІІІ+1083) сочиненіе г. Нечаева об-

наруживааетъ въ немъ изумительную работоспособность. Онъ собралъ и тщательно проштудировалъ изъ многочисленныхъ сочиненій Ульрици все, что относится къ области его темы (которую точнѣе формулируетъ такъ: „Разумная религіозная вѣра и умоарительный „теизмъ“ христіанскаго міросозерцанія Германа Ульрици“). Что переведено изъ Ульрици на русскій языкъ, то онъ, конечно, читалъ по русски, но къ русскому тексту дѣлаетъ—подъ строкою — много указаній, изъ которыхъ видно, что онъ сличалъ переводъ съ подлинникомъ, нерѣдко внося въ первый дѣльныя поправки. Въ матеріалѣ,—обширномъ, дробномъ (масса журнальныхъ статей), разнохарактерномъ и часто не свободномъ отъ внутреннихъ противорѣчій, онъ разобрался въ общемъ удовлетворительно, систематизировалъ его, подвергъ критической оцѣнкѣ, установилъ на систему Ульрици опредѣленную точку зрѣнія (вслѣдъ за Мельцеромъ, онъ называетъ Ульрици *семи-теистомъ* или *полу-теистомъ*), написалъ, во введеніи, яркую характеристику философа и, такимъ образомъ, далъ вполне законченное сочиненіе. На основаніи этихъ данныхъ *не только признаю сочиненіе вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія, но и нахожу возможнымъ рекомендовать автору переработку его для представленія на степень магистра.*

Переработка сочиненія должна быть направлена къ устраненію недостатковъ сочиненія, изъ которыхъ важнѣйшіе слѣдующіе:

1) *Недостатокъ формально-литературный.* Едва ли не самымъ главнымъ недостаткомъ сочиненія г. Нечаева служить его объемъ: оно слишкомъ велико, — при необработанности. Въ сущности, это лишь предварительный, черновой набросокъ „диссертациі“, а не самая диссертациія. Смѣло и безъ преувеличенія можно сказать, что, не поступаясь содержаніемъ сочиненія, его можно было бы сократить на половину,—а въ иныхъ частяхъ (конецъ) и больше... Отлично понимаю, что въ годъ, да еще и неполный, нельзя было обработать тотъ матеріалъ, съ которымъ имѣлъ дѣло авторъ, вполне хорошо. Нужны, дѣйствительно, годы анализа для одного дня синтеза, какъ говорятъ одинъ, цитуемый авторомъ (стр. 1082), мыслитель. Не отношу также растянutosть сочиненія всецѣло и на счетъ особенностей мышленія автора, потому что нѣкоторые отдѣлы сочиненія (наприм. „Ме-

тафизика вѣры“) обнаруживаютъ въ немъ несомнѣнную способность сосредоточивать свою мысль и давать ей точную формулировку. Но я всетаки долженъ подчеркнуть, что въ настоящемъ своемъ видѣ сочиненіе, въ формально - литературномъ отношеніи, далеко и далеко не можетъ быть признано совершеннымъ, — особенно по мѣрѣ движенія къ концу. Мелкая рубрицистика, внѣшнія спайки, повторенія, многословіе, выраженія нелитературныя и метафорическія, поэтическія красоты: все это, при переработкѣ, должно быть устранено. Главное же — необходимо приложить несравненно большую заботу о концентраціи мысли. Изложеніе должно подчиняться, при переработкѣ, не центробѣжной, какъ теперь, а центростремительной силѣ, идти не въ ширь, а въ глубь, — къ основному и существенному, при постоянной и усиленной заботѣ о точности формулировки.

2) *Недостатокъ логической структуры (плана) и архитектурники цѣлаго.* Авторъ дѣлитъ свое сочиненіе на двѣ далеко не равномѣрныхъ, части, которыя можно бы назвать (самъ онъ никакъ ихъ не называетъ) двумя томами: „Оправданіе религіозной вѣры“ (стр. 1—760) и — „Религіозно-философское міросозерцаніе Германа Ульрици и его оцѣнка“ (стр. 765—1083). Уже и по числовому соотношенію страницъ можно догадаться, что первая часть слишкомъ перегружена матеріаломъ, тогда какъ вторая сравнительно бѣдна. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Если же сократить второй отдѣлъ второй части („Опредѣленіе и оцѣнка міросозерцанія Ульрици“, стр. 943—1083), — а его безъ преувеличенія можно было бы сократить, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ: до того скудно именно здѣсь идейное содержаніе сравнительно съ внѣшнимъ объемомъ! — то неравномѣрность частей выступить предъ нами и еще рельефнѣе. Конечно, дѣло не въ этомъ внѣшнемъ несоотвѣтствіи главныхъ частей сочиненія по размѣру, а въ томъ, что, при такомъ его дѣленіи, въ немъ не видно твердаго классификаціоннаго принципа. Съ другой стороны, и раздѣленіе первой главной части сочиненія не можетъ выдержать строгой критики. Въ „Оправданіи вѣры“ авторъ различаетъ и внѣшне выдѣляетъ слѣдующія точки зрѣнія: гносеологическую, феноменологическую, психологическую, метафизическую. Я думаю, что, вмѣсто этой спутанной схемы (психологія, вѣдь, входитъ въ феноменологію),

должна быть иная, болѣе естественная и вмѣстѣ болѣе согласная съ философскими традиціями, а именно такая: „Феноменологія вѣры“ (психологія и исторія), ея „Гносеологія“ и, наконецъ, „Метафизика вѣры“, къ которой, затѣмъ, должны быть присоединены и два отдѣла, образующіе теперь вторую часть (томъ) сочиненія: „Міросозерцаніе Ульрици“ и „Критика его системы“. Не настаиваю, конечно, на этой схемѣ: иное можетъ выясниться при устномъ размѣнѣ мнѣній между авторомъ и рецензентомъ. Но считаю необходимымъ теперь же обратить его вниманіе на несовершенство архитектуры сочиненія, въ его настоящемъ видѣ.

3) *Недостатокъ по существу.* Ульрици, какъ извѣстно, не изъ тѣхъ мыслителей, съ которыми питомцу духовной школы приходилось бы во многомъ не соглашаться, какъ это справедливо замѣчаетъ и авторъ. Человѣкъ высокой христіанской настроенности, искренній апологетъ христіанства, тонкій и выработанный умъ, онъ всего чаще вынуждаетъ—логически вынуждаетъ—съ собою соглашаться. Однако, есть и у него пункты, вызывающіе на критику и оппозицію. Авторъ реферируемаго мною сочиненія видитъ эти пункты (наклонъ къ пантеизму) и зорко за ними слѣдитъ. Во второй части второго тома онъ подвергаетъ ихъ спеціальному обследованію. Этому такъ и быть надлежитъ. Но *характера* этой полемической экскурсіи я, къ сожалѣнію, не могу одобрить. Авторъ занимаетъ въ отношеніи къ Ульрици точку зрѣнія, такъ сказать, юридическую, а не логическую: „виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія“, — замѣчаетъ онъ однажды (стр. 1059). Это, конечно, совсѣмъ не философская точка зрѣнія. Недостаточно констатировать ошибки Ульрици (чѣмъ нашъ авторъ ограничился), но необходимо войти въ выясненіе условій ихъ происхожденія, а съ другой стороны, необходимо твердо и точно выставить контръ — основанія, заставляющія насъ, вопреки увлеченіямъ Ульрици, держаться строго теистической точки зрѣнія. Долженъ, однако, сказать, что, повидимому, и самъ авторъ сознаетъ несовершенно своей критико-полемической экскурсіи. Онъ намѣчаетъ даже, что нужно было бы сдѣлать (поставить міросозерцаніе Ульрици въ историческую перспективу), и даетъ понять, что только недостатокъ времени лишилъ его возможности („пока“) поставить этотъ вопросъ на уровень строгихъ научныхъ требо-

ваній. Какъ бы то ни было, но, во всякомъ случаѣ, здѣсь предъ нами опять одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, на которыхъ, при переработкѣ сочиненія, автору придется сосредоточить свое вниманіе.

Таковы главнѣйшіе недостатки сочиненія г. Нечаева. Выставляя ихъ, я чувствую себя, однако, обязаннымъ заявить, что дѣлаю это такъ рѣшительно главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы авторъ не умалилъ въ своемъ сознаніи тѣхъ задачъ, которыя предстоятъ ему при возможной переработкѣ сочиненія на степень магистра. Для присужденія же ему степени кандидата богословія его сочиненіе, какъ трудъ большой, добросовѣстный и научно цѣнный по своему существенному содержанію и достигнутымъ результатамъ, — повторяю это еще разъ, — вполне достаточно“.

28) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Обновленскаго Ивана* на тему: „Теорія безсвященнословныхъ браковъ. Ея происхождение, содержаніе, основанія и оцѣнка“:

„Сочиненіе г. Обновленскаго состоитъ изъ обычнаго введенія (стр. I—VII) и четырехъ главъ. Изъ нихъ двѣ (гл. I и II), занимающія около половины всего сочиненія (стр. 1—172), безъ ущерба для дѣла могли бы быть соединены въ одну (обѣ онѣ посвящены изложенію историческихъ обстоятельствъ, обусловившихъ возникновеніе и развитіе безпоповщинскаго ученія о безсвященнословныхъ бракахъ) и изложены гораздо короче, такъ какъ авторъ, въ сущности, не говоритъ здѣсь чего-либо своего, а лишь пересказываетъ, съ излишними для его цѣли подробностями, готовыя свѣдѣнія, взятая изъ трудовъ проф. Нильскаго, Смирнова, Ивановскаго и др. Гораздо больше самостоятельной работы потребовала отъ него III глава (излагающая, на стр. 173—262, сущность и основанія безпоповщинской теоріи безсвященнословныхъ браковъ) и въ особенности IV (стр. 263—353, гдѣ дается очень серьезная, обдуманная и основательная оцѣнка этой теоріи, съ ея основаніями, указанными въ предыдущей главѣ). Въ концѣ сочиненія имѣется коротенькое заключеніе (стр. 354—355) со сжатымъ изложеніемъ конечныхъ выводовъ изъ всей работы и длинный списокъ „литературы“ (стр. 356—361),

т. е. тѣхъ источниковъ и пособій, какими пользовался авторъ при написаніи своего изслѣдованія.

Главный недостатокъ этого послѣдняго—обиліе лишннихъ подробностей въ I и II главахъ—уже отмѣченъ выше; къ нему можно присоединить еще другой, чисто внѣшній, общій всему сочиненію: нѣкоторую тяжеловатость изложенія, зависящую отъ непомѣрной иногда длинноты періодовъ, въ которые авторъ любитъ облекать свою мысль. Эта стилистическая склонность или привычка автора нисколько не мѣшаетъ, впрочемъ, языку сочиненія быть яснымъ, точнымъ и опредѣленнымъ, а содержаніе двухъ послѣднихъ главъ, сравнительно больше требовавшее самостоятельной работы отъ составителя, показываетъ въ немъ человѣка, много поработавшаго надъ предметомъ изслѣдованія и достаточно овладѣвшаго своимъ разнообразнымъ (преимущественно догматическимъ и каноническимъ) матеріаломъ. Считаю г. Обновленскаго вполне достойнымъ степени кандидата богословія“.

29) Ординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Пескова Бориса* на тему: „Религіозныя воззрѣнія Гартмана (опытъ имманентной критики)“:

„Г. Песковъ, обладающій, повидимому, незауряднымъ знаніемъ нѣмецкаго языка, даетъ въ своемъ достаточно объемистомъ (379 страницъ мелкаго письма), сочиненіи толковое и объективно - правильное изложеніе сочиненій Гартмана по философіи религіи, главнымъ образомъ его *Религии духа* и *Религіознаго сознанія человечества* (отчасти и *Кризиса современнаго протестантскаго богословія*). Изъ сочиненія видно, что учебный годъ онъ провелъ, несомнѣнно, трудолюбиво и для своего научнаго развитія съ пользою, хотя, къ сожалѣнію, не могу сказать, чтобы трудъ свой онъ употребилъ вполне цѣлесообразно,—съ точки зрѣнія задачъ темы. Дѣло въ томъ, что онъ шелъ не совсѣмъ въ томъ направленіи, какое указывалось ему формулировкой темы и отчасти устными поясненіями къ ней со стороны рецензента. И, во первыхъ, потративъ очень много времени на изложеніе Гартмана,—которое точнѣе, особенно въ первой части, посвященной *Религии духа*, слѣдовало бы назвать *переложеніемъ* книги Гартмана съ нѣмецкаго языка на русскій, мѣстами просто

переводомъ,— авторъ уже оказался вѣ возможности посвятить критическому разсмотрѣнію идей Гартмана достаточно времени и силъ, что, однакоже, непремѣнно предусматривалось темою. Во вторыхъ, хотя тамъ и здѣсь, въ отрывочныхъ замѣчаніяхъ, и особенно въ энергично написанной послѣдней главѣ сочиненія, онъ заявляетъ свое рѣшительное несогласіе съ Гартманомъ, *пессимистомъ и пантеистомъ*, однакоже простое заявленіе несогласія и его научная мотивировка, критика того, съ чѣмъ авторъ не соглашается, конечно, два дѣла разныхъ. Наконецъ, напрасно авторъ, увлекшись, какъ видно изъ его предисловія, классификаціонною схемою мыслителей, данною Ницше, задумалъ непремѣнно воспользоваться ею и въ примѣненіи къ Гартману: это отвело его на ложную дорогу и, хотя къ концу сочиненія онъ и самъ видимо созналъ это, что и выразилось въ перестановкѣ имъ, въ заключительной главѣ, точки зрѣнія на Гартмана, однако было уже поздно,—годъ прошелъ, и время было потеряно. Обо всемъ этомъ приходится, конечно, пожалѣть. Но такъ какъ авторъ трудился, несомнѣнно, много и упорно; такъ какъ, въ концѣ концовъ, онъ сумѣлъ занять въ отношеніи къ Гартману опредѣленную критическую точку зрѣнія, хотя и не смогъ развить и обосновать ее; такъ какъ, наконецъ, критика Гартмана есть вещь вообще очень трудная и со стороны студента, хотя бы и кандидата на кандидата богословія, въ этомъ отношеніи многого ожидать нельзя: то считаю дѣломъ справедливости, не смотря на несовершенство представленной г. Песковымъ диссертациі, признать ее удовлетворительною для присужденія ему степени кандидата богословія“.

30) Исправляющаго должность доцента священника Дмитрія Рождественскаго о сочиненіи студента *Преображенскаго Ивана* на тему: „Амвросій, архіепископъ Харьковскій, какъ проповѣдникъ:

„Г. Преображенскій представилъ довольно объемистое сочиненіе (657+4 стр. оч. убористаго письма), состоящее изъ пяти главъ. Сказавъ нѣсколько словъ (стр.—1—2) о возможности и значеніи церковнаго проповѣдничества вообще, онъ излагаетъ біографію преосвящ. Амвросія; которая, вмѣстѣ съ краткою характеристикою его проповѣднической дѣятель-

ности и составляет небольшую, сравнительно съ объемомъ всего сочиненія, главу первую. Въ главѣ второй (съ 23 стр.) авторъ говоритъ объ изданіяхъ проповѣдническихъ трудовъ Амвросія; о различныхъ типахъ проповѣди, господствовавшихъ около времени его жизни; кратко характеризуетъ проповѣдничество м. Филарета Московскаго, архіепископовъ Димитрія и Иннокентія Херсонскихъ, Іоанна Смоленскаго и другихъ и приходитъ къ выводу, что преосв. Амвросій, имѣя много общаго съ другими представителями русской проповѣди своего времени, однако всецѣло не примкнулъ ни къ одному изъ существовавшихъ направленій и можетъ считаться представителемъ особаго типа—*церковно-философскаго* или *церковно-общественнаго* (47—48 стр.). Съ 81 стр. характеризуется эпоха великихъ реформъ, по сравненію съ непосредственно предшествовавшимъ временемъ, и набрасывается общая картина религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества по проповѣдямъ почившаго архіепископа. Далѣе (съ 136 стр.) слѣдуетъ особый отдѣлъ II главы, подъ заглавіемъ: „Высокопреосвященный Амвросій, какъ народный проповѣдникъ“. Здѣсь говорится объ Амвросіи и какъ объ импровизаторѣ. Всѣ проповѣдническіе труды его авторъ раздѣляетъ на четыре категоріи (по способу приготовленія и по содержанію), къ послѣдней категоріи относитъ „тосты“ (стр. 164). Въ особомъ отдѣлѣ той же главы (съ 242 стр.) трактуется „о миссіонерствѣ архіепа. Амвросія“. До чрезвычайности разнообразная по содержанію глава II заканчивается замѣчаніями о вліяніи проповѣдей преосвященнаго на слушателей. Въ главѣ III (съ 265 стр.) довольно подробно излагается исторія и доктрина славянофильства и въ заключеніе преосвящ. Амвросій именуется „славянофиломъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова“ (стр. 291). Характеризуя въ этой же главѣ политическія убѣжденія названнаго архіепископа-проповѣдника, авторъ неразъ называетъ его *истинно-русскимъ* человѣкомъ (стр. 291, ср. стр. 83), *истинно-русскимъ* архіепископомъ, *истинно-русскимъ* патріотомъ (стр. 266); говоритъ, что „онъ любилъ всѣхъ *истинно-русскихъ* людей“ (стр. 292). Употребленіе этого эпитета въ наше время можетъ повести къ недоразумѣнію, и лучше бы въ подобныхъ случаяхъ его совсѣмъ не употреблять. Глава IV трактуетъ о преосв. Амвросіи, какъ о гомилетѣ, и цѣликомъ посвящается

его „Живому Слову“. Здѣсь подробно изложено содержаніе этого сочиненія, а также приводятся взгляды другихъ авторовъ (Шустера, Тарѣева) на вопросъ о живомъ проповѣдническомъ словѣ. По мѣстамъ г. Преображенскій высказываетъ самостоятельныя сужденія по данному вопросу и критически относится къ приводимымъ имъ мнѣніямъ гомилетовъ (стр. 400, 418, 422). Последняя, пятая глава (съ 450 стр. до конца) носитъ такое заглавіе: „Содержаніе проповѣдей преосвящ. Амвросія. (Характеристика жизни интеллигентнаго общества второй половины XIX вѣка и религіозно-общественные идеалы преосвященнаго Амвросія).“ Глава эта представляетъ рядъ болѣе или менѣе обширныхъ выписокъ изъ проповѣдей архіеп. Амвросія.

При написаніи своего сочиненія г. Преображенскій пользуется довольно значительнымъ количествомъ пособій біографическаго, гомилетическаго, историческаго и историко-литературнаго содержанія. Онъ цитуетъ сочиненія проф.— прот. Буткевича, проф. Корсунскаго, проф. Барсова, проф. Лебедева, свящ. Ромашкова, Рункевича, Джаншіева, Бухарева. Никитенко и мн. др. Онъ часто ссылается на академическіе богословскіе журналы и другія періодическія изданія, каковы напр.: Вѣра и Разумъ, Душенолезное Чтеніе, Домашняя Бесѣда, Вѣра и Церковь, Странникъ, Русская Старина, Миссіонерское Обзорѣніе, Вѣстникъ Европы, Русскій Вѣстникъ и др. Кромѣ того, необходимо отмѣтить, что онъ имѣлъ случай лично бесѣдовать съ проф.-протоіереемъ Т. И. Буткевичемъ, авторомъ обширнаго біографическаго очерка о преосв. Амвросія, весьма близко стоявшимъ къ почившему архипастырю, и пользоваться нѣкоторыми его сообщеніями. Тотъ же протоіерей Буткевичъ снабдилъ нашего автора имѣющимися у него рукописными матеріалами, которые, впрочемъ, по большей части, прямого отношенія къ данной темѣ не имѣютъ.

Обширный матеріалъ использованъ г. Преображенскимъ въ достаточной мѣрѣ; нельзя отказать ему въ трудолюбіи и нѣкоторой самостоятельности изслѣдованія. Однако, можно отмѣтить три весьма существенныхъ недостатка, которые въ значительной мѣрѣ обезцѣниваютъ его трудъ. Это—1) отсутствіе строго выработаннаго плана, 2) неумѣнье разобраться въ бывшемъ подъ руками матеріалѣ и использовать его надлежащимъ образомъ и 3) не совсѣмъ удовлетворительное

изложеніе. Сочиненіе раздѣлено на главы, но это раздѣленіе не отвѣчаетъ существу дѣла; оттого такъ часты повторенія и уклоненія въ сторону. Авторъ не имѣетъ обыкновения сосредоточиваться на выясненіи извѣстнаго положенія и чаще всего, только начавъ это выясненіе, даетъ обѣщаніе возвратиться къ нему впослѣдствіи; но въ дальнѣйшемъ изложеніи, коснувшись того же вопроса, ограничивается лишь ссылкой на сказанное прежде или даетъ новое обѣщаніе (стр. 184, 302 и мног. друг.).

Въ обширномъ сочиненіи г. Преображенскаго такъ много пространныхъ выдержекъ, что его работу легко можно бы сократить наполовину, не въ ущербъ ея достоинству. Глава пятая на протяженіи многихъ страницъ состоитъ почти сплошь изъ выисокъ и въ предшествующихъ главахъ цѣлыя страницы представляютъ пространныя извлеченія (стр. 19—21, 72—73, 147—150, 202—220, 251—263, 294—302 и др.). Эти обширныя выдержки часто совсѣмъ не относятся къ дѣлу.

Что касается языка сочиненія, то въ немъ немало случаевъ неумѣлаго употребленія иностранныхъ словъ, неправильнаго построенія предложеній, неясностей и противорѣчій (стр. 1, 12, 27, 51, 138, 141, 146 и др.). Въ частности, можно отмѣтить еще нѣсколько промаховъ: Московскаго митрополита Леонтія авторъ смѣшиваетъ, повидимому, съ Леонидомъ (Краснопѣвковымъ), викаріемъ Московскимъ (стр. 38 и 48); заявляетъ, что симфонія на Библию, столь необходимая для проповѣдниковъ, представляетъ теперь библиографическую рѣдкость (стр. 392); не замѣчаетъ, что конецъ слова пр. Амвросія „о современной проповѣди“ по новѣйшему изданію звучитъ странно, такъ какъ въ немъ вмѣсто слова *кравовъ* употреблено *враговъ* (ср. Душепол. Чт. 1872, ч. II, стр. 56).

Не смотря на указанные недостатки, автора можно признать достойнымъ кандидатской степени“.

31) Исправляющаго должность доцента Николая Туницкаго о сочиненіи студента *Русинова Виталія* на тему: „Кружокъ Любомудровъ (шеллингянцевъ) и его вліяніе на русскую литературу и жизнь 30-хъ и 40-хъ годовъ XIX вѣка“:

„Обширное (I—VII+792) сочиненіе г. Русинова представ-